

Екатерина Дей

Амир

Часть IV

Екатерина Дей
Амир. Часть IV

«Издательские решения»

Дей Е.

Амир. Часть IV / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904954-4

Четвертая часть из серии книг Е. Дей «Амир» в жанре любовного фэнтези продолжает рассказ о вожде хасов, превратившегося в Темного ради спасения своего народа. Закон передачи энергии ставит новые эксперименты над главными героями: энергия человека Анны оказалась не менее сильнее и страшнее своим воздействием на Темных, чем энергия ведьмы Анабеллы.

ISBN 978-5-44-904954-4

© Дей Е.

© Издательские решения

Амир

Часть IV

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-4954-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Амир сидел рядом со мной и смотрел на море. Беседка в саду была тем местом, куда я приходила каждый вечер. И однажды там оказался Амир.

После ухода Роберта мы с Фисой ещё долго сидели в невозможности осознать случившееся. Когда Фиса смогла встать и попыталась выйти из комнаты, дверь оказалась закрытой.

– Рина... он всё действительно сотворил...

Надежда на то, что всё придумано для того чтобы поднять меня с постели рассеялась. Фиса тоже надеялась на это, мы обе где-то в глубине души верили – Амир так уже не сделает, он изменился, он уже не тот ирод, о котором говорили, как о самом страшном в их мире. Во всех мирах.

Дверь открылась к вечеру, но в доме никого не было. Только мы с Фисой, хотя еда в столовой появлялась, а посуда исчезала. Значит, остался обслуживающий персонал. А ещё камеры для наблюдения за моей жизнью.

И потекли тоскливые дни моего выхода из состояния амебы. Я не знаю, зачем постоянно плавала в бассейне и принимала ванны Фисы из трав. Они тоже появлялись сами по себе, достаточно было Фисе сказать, что вот закончилась такая-то травка, ванну уже не приготовить, как на следующий день пакет с нужными ингредиентами лежал в столовой.

Мы не говорили о том, что произошло: я не могла, понимая, что виновата во всём сама, а Фиса не хотела. Сбылось её предсказание, что как я – так и Амир, смогу, так повернётся к свету, не смогу... не смогла. Иногда длинными ночами я плакала в подушку от своей вины перед всеми: Яну продали в рабство, Алекс погибает от болезни, Мари неизвестно за кого отдали замуж, а Вито... жив ли. И удивительное дело, со мной ничего не происходило, никаких ломаний и потери крови, наоборот – организм постепенно физически восстанавливался. Фиса мне объяснила такую странную метаморфозу:

– Амира нет, не тянет из тебя, вот ты в жизнь и возвращаешься.

И зачем мне такая жизнь? Ответа на этот вопрос у меня не было, хотя, наверное, женщина всегда на что-то надеется, сама не понимая на что. На что надеялась я, мне самой было неизвестно, да и не думала ни о чём, просто плавала и смотрела на закат.

Я нашла эту беседку, прогуливаясь по саду, Фиса придумала прогулки на морском берегу, и я от нечего делать согласилась. Закат расцвечивал море и небо в невероятные цвета, и иногда я отвлекалась от своих тяжёлых дум, рассматривая такое чудо природы. А сегодня появился Амир.

Вздвигнув всем телом, я не сразу смогла подойти к беседке, постояла в тени большого дерева несколько минут, и только потом решилась:

– Добрый вечер.

– Здравствуй, Рина.

Он медленно встал, чуть наклонил голову в приветствии, но руки не подал. Я села рядом с ним на скамеечку и лихорадочно вздохнула, не придумала, о чём начать разговор и сце-

пила ладони на коленях. Мысли роились в голове, однако ни одна из них не сформировалась во внятное предложение, пока чётко не проявилось имя – Мари, надо узнать, что с ней. Едва слышно я спросила:

– Как Мари? Свадьба... уже была?

– Нет.

Мой облегчённый вздох привлёк внимание Амира, он чуть повернул голову и скосил на меня глаза, но не стал больше ничего говорить. Я осмелилась задать следующий вопрос:

– А что с Алексом... Роберт сказал, что болезнь вернулась...

– Он жив.

От волнения я провела ладонями по коленкам, но сразу одумалась и сжала кулачки. Спрашивать о судьбе Яны и Вито я остереглась, но Амир ответил сам:

– Янину я передумал продавать, покупатель ошибся в цене. Она с Мари в школе.

Я прижала руки к груди, но потом не выдержала и закрыла ладонями лицо. Холодный голос уточнил:

– Кто тебя ещё интересует? Вито тоже жив.

Мне понадобилось время, прежде чем я опустила руки и посмотрела на него:

– Амир... я благодарна тебе, что ты...

– Что я никого не убил?

Ледяной тон и тяжёлый взгляд тёмных глаз, но я уже взяла себя в руки.

– Да.

Усмешка скривила губы, но я не собиралась уступать, раз появился, значит, готов говорить.

– Они не виноваты в том, что оказались рядом со мной... ты можешь сделать со мной всё, что угодно, но они... это их жизнь...

– И она принадлежит мне.

Ещё несколько слов и мы поругаемся. Не так, я учиню разборку, и кто-нибудь от неё пострадает. Я сжала губы и отвернулась от него, и где тот Амир, который говорил мне, что теперь будет стремиться к мечте? Даже не о мечте речь, заставлял смотреть всех на меня, чтобы они учились жить, где он?! Где тот Амир, который так счастливо рулил кораблем вместе со мной?! Несколько раз вздохнув, чтобы успокоиться, я решила уйти, дабы лишним необдуманным словом не усложнить положение тех, о ком шла речь в разговоре:

– Спасибо, что приехал сказать... я теперь могу спокойно...

И замолчала, и что спокойно? Дальше плавать и смотреть на закат? Амир не дождался продолжения и как всегда уточнил:

– Успокоил в чём?

Тут я испугалась – а вдруг передумает, раз считает, что их жизни принадлежат ему. От волнения у меня получился растерянный лепет:

– Что они живы... просто живут...

Странный взгляд, стали едва заметны проблески синевы, да и усмешка непонятная: то ли усмехается, то ли улыбается. И как услышал мои мысли:

– Я всегда могу...

– Нет, Амир, нет, не трогай их, если я что-то делаю не так, то ты меня накажи, меня убей, только их не трогай... Я прошу тебя, умоляю, хочешь, на колени перед тобой встану...

Я сползла со скамейки и опустилась перед ним на колени, склонив голову как на казни, продолжала шептать:

– Молю, позволь им жить, у них всё впереди, я сделаю всё ради них, что прикажешь, то и исполню... отдам свою жизнь...

Амир молчал, и я не знала, что делать, только всё ниже опускала голову, посмотреть на него у меня сил уже не хватило. Наконец хриплый голос отозвался на мои мольбы:

– Рина... ты ради них готова на всё... отдашь ли ты мне свою любовь?

Я ответила раньше, чем осознала вопрос:

– Тебе она не нужна... моя любовь для тебя лишь игра.

Вот и вся моя покорность, можно стоять на коленях и подставить под топор голову, но изменить себя невозможно. В этом вся я – глупая, вздорная и наивная. Амир уже показал, что может сделать с каждым всё что угодно и мои слова для него ничего не значат. Ни мои слова, ни я сама. Прими любое его решение хотя бы для того, чтобы спасти остальных, но я уже не могла остановиться:

– Ты можешь взять моё тело, оно принадлежит тебе, как и моя жизнь. А любовь... это лишь слово для тебя.

– А для тебя? Что для тебя значит любовь?

– Зачем ироду знать, что такое любовь?

Я не выдержала и подняла голову, оказалось, что Амир стоит передо мной на коленях, руки за спиной и согнутые плечи. А глаза, они светились неожиданной яркой голубизной, и на губах появилась улыбка. От удивления я разогнулась и высоко подняла голову, Амир сразу наклонился ко мне, глаза в глаза:

– Любовь моя мечта...

– Мечта? Ты таким образом добиваешься своей мечты?

И поняла: лично я к его мечте никакого отношения не имею, он лишь пытается понять, что это такое – любовь, какое это чувство, чтобы потом найти себе настоящую женщину, свою настоящую любовь. А я как человек должна его научить этому чувству, именно научить, его ум ирода всё понимает слишком конкретно, только на живом примере... моей любви. Амир действует в соответствии со своим пониманием хитро-мудрого вождя и ирода. Кнут и пряник, масса эмоций, и энергии полезно, и я должна понять свою задачу. Плата за жизнь моего ближнего круга, вот теперь всё стало предельно ясно – зачем он позволил этому кругу появиться.

Амир не ответил на мои вопросы, улыбнулся хитрой улыбкой и подал руку, я замерла от своих мыслей, и он коснулся моей щеки горячими пальцами. Вздвогнув от прикосновения, я отвернулась в попытке увернуться, но он схватил моё лицо ладонями и прошептал в губы:

– Рина, научи меня любить... своей любовью...

– Любви научиться нельзя... можно только полюбить самому.

Я попыталась вырваться из его рук, но он не отпускал, смотрел мне в глаза странным синим взглядом и о чём-то думал, наконец, произнёс:

– Тебе нельзя умирать, умрёшь ты – умрут все. Я хочу, чтобы ты осознала мои слова.

Осознала слова? О чём он? Амир их убьёт! Теперь я поняла: всё, что он говорил о себе, постоянно говорил, что он ирод и убийца – правда! Маска сброшена, и сейчас определяются условия моего существования. Я должна осознать организм: никаких потерь сознания, никаких спонтанных повреждений тела от слов и переживаний, только его приказы. Сказал любить и учить любви, значит любить.

Амир резким движением поднял меня с колен и прижал к себе:

– Я скучал... по твоему телу... по глазам и улыбке...

Не плакать, только не плакать, нельзя показать ему своё разочарование и ужас. Организм, никаких оледенений и потерь сознания, ты слышал всё, даже умирать нельзя – полное подчинение умом и телом. Я подняла голову и подставила губы для поцелуя, только посмотреть в эти глаза не смогла. Горячие губы едва коснулись моих губ:

– А ты сама хочешь меня поцеловать?

Вот и доказывай свою любовь, учи его любви любым способом, хотя бы поцелуем. И я его поцеловала, сначала робко, но организм не слушал доводов разума, он слишком долго скучал без этих губ и рук, этого сильного горячего тела, и вложил в этот поцелуй всю свою тоску.

Амир не смог удержаться, его тело тоже скучало, стремилось ко мне, а руки прижимали меня к себе всё сильнее, но не ломали, а лишь делились собой, своим теплом и лаской.

Ночью я лежала в темноте и думала о том, что мы с Амиром счастливы телами, сегодняшней поцелуй очередной раз подтвердил это. Он долго не отпускал меня из своих рук, гладил по спине, целовал волосы и прижимался к ним щекой. А потом стремительно перенёс в спальню и ледяным тоном приказал:

– Завтра Вито тебя обследует, ты должна быть здорова.

Куда опять исчез тот Амир, который только что так страстно меня целовал? Тело не обмануть, оно чувствовало пламя в его крови, отвечало ему, сплеталось в едином стремлении друг к другу. Зачем меня обследовать? Для чего я должна быть здорова? Для того, чтобы учить его науке любви? И что, если я вдруг рухну в каком-нибудь очередном энергетическом или физическом коллапсе – виноват будет Вито?

Я встала с постели и долго смотрела на ночное море, освещённое полной луной. В кино в сложные моменты сюжета обязательно показывают жуткую полную луну, ещё музыку заведут такую, что сразу всем становится понятно – наступает ужас. А у меня? Тоже ужас? Амир что-то придумал, использовал весь свой опыт вождя и ирода. Ну, да, а ещё мой ближний круг выстроил в нужном ему состоянии, даже родную дочь не пожалел. Почему же я к себе требую отдельного отношения? Повелась на его слова, как глупая девчонка, хотя он при этом постоянно мне говорил, что верить ему нельзя, а я упорно заявляла, что можно. Вот и доказал свою правоту. Как тогда Роберт сказал о Вито: странно, что не убил, но видимо придумал другое использование его талантов. У вождя ничего просто так не пропадает, даже врагов использует, а уж бывших соратников тем более.

Утром я встала вся опухшая от слёз, всю ночь рыдала в подушку от обиды. Только одно слово билось в голове – дура, какая же я дура. Старая, невозможно глупая дура. Опять сама себя обманула: если ты скучаешь по молодому мужскому телу, это не значит, что и оно по тебе скучает, Амир лишь вытягивал из меня энергию и эмоции. Вот для чего ему нужна наука любви – она сплошные эмоции, и поэтому этой науке его должна обучать именно я. Для этого вся игра.

Странно, но Фисы не было, я прошла в бассейн, искупалась, но вернувшись, в комнате её опять не обнаружила. От возникшей мысли тяжело опустилась на постель – Амир её убрал, отправил куда-нибудь подальше от меня. Теперь моим телом будет заниматься Вито. А душой и сердцем муж.

Я даже не стала пытаться привести своё лицо в порядок, какая есть, мой внешний вид мужа явно не интересует. А может, он и не появится на завтраке, зачем, пока Вито не проверит моё здоровье.

Когда я пришла в столовую, там меня уже ждал Вито, стоял как страж у двери. Я обрадовалась и сразу кинулась к нему:

– Здравствуй, Вито!

Он мгновенным движением опустился на колени и склонил голову:

– Приветствую тебя, жена вождя.

– Вито...

Голова опустилась ниже, и я поняла – Вито нельзя нарушать приказ Амира, только так, только жена вождя. Растерянно дойдя до стола, я обернулась:

– Вито, я понимаю, что ты вынужден так себя вести, но знай – моё отношение к тебе не изменилось, я для тебя навсегда останусь просто Риной, которую ты много раз спасал. Я это помню и буду помнить всегда.

Вито поднялся и посмотрел на меня глазами, полными боли и страдания, но когда заговорил, голос был спокоен:

– Я должен обследовать тебя до приезда Амира.

– Хорошо.

Когда придет муж, тогда и придет, мы сделаем всё, как приказано. Мне не удалось удержаться, и я спросила:

– А где Фиса?

– Она уехала.

Неужели Амир совсем её домой отправил? Или... нет, он её не тронет, не посмеет убить ведьму, даже если Круг позволил. Всё-таки не совсем понятно со мной, вдруг надумаю умирать, кто, кроме неё сможет меня спасти?

– Она в школу поехала?

– Я не знаю.

Вито склонил голову, напоминание о школе, это напоминание о любимой девушке, которая не стала его женой. А виной всему я.

По дороге в лабораторию, которая оказалась рядом с кабинетом Амира, я всё же тихо прошептала:

– Вито, прости меня...

Он ничего не ответил, лишь едва коснулся моего локтя, как бы поддержал. Камеры, везде камеры и Амир следит за нами.

Вся обвешанная проводками, я провела в лаборатории несколько часов. Вито работал быстро, но осмотр есть осмотр, и я порядком устала. Уже по дороге обратно в столовую я спросила:

– Каков вердикт?

– Физически ты здорова, только...

– Только?

Амир оказался перед нами и стоял мрачной скалой. Вито вытянулся и доложил:

– Нервная система не в порядке.

Я хмыкнула, а потом не выдержала и расхохоталась, нервы видите ли, не в порядке! Да где им взяться – нервам?! Это у барышень они могут быть, а у меня их давно нет, растворились в боли и страдании. Да с энергией и эмоциями Амиру достались. А раз нервы расшатаны, то можно себе позволить маленькую истерику, вот за неё Вито уже точно не отвечает:

– Амир, не подскажешь, как мне нервы лечить? И вообще, что такое нервы? У нас говорят «всё от нервов», только никто не объясняет, что это – всё. А далеко ли от нарушений в нервной системе до сумасшествия? Вито, расскажи мне, как сходят с ума? Может я уже сумасшедшая, только ещё не знаю об этом?

Обойдя Амира, я пошла неизвестно куда, оказалось, что нервы действительно на пределе, а хохот ещё добавил нервозности, вместо того, чтобы принести облегчение.

Властный голос остановил меня:

– Рина.

Развернувшись, я низко поклонилась и спросила дрожащим от напряжения голосом:

– Что прикажет мне мой господин? Ваша рабыня исполнит любой приказ.

Не долго же я удержалась в стремлении спасти всех, ну никак не получается молчать и изображать безмолвную рыбу. Амир оказался передо мной, а Вито исчез.

– Ты не рабыня.

– Как не рабыня? Я принадлежу Вам, при-над-ле-жу, я Ваша собственность, вся – с ног до головы. У меня нет ничего своего... ни дома, ни жизни, моё тело тоже принадлежит Вам. Даже моя смерть зависит от Вашего приказа.

– Рина...

– Вчера Вы сказали, что я не могу умереть, потому что погибнут остальные. Даже не смею умереть! Это рабство! А в рабстве любви не бывает, только ненависть и презрение. Вы не по адресу обратились, молодой человек, я не сумею научить Вас любви.

Вытянувшись во весь рост, я сжала кулачки и заявила чёрным глазам:

– Вы вождь, всё знаете и понимаете, сами разберётесь в тонкостях любви. А я умру, и мне будет уже всё равно, что Вы со всеми сделали, Вам без них жить свои шестьсот лет, это Ваш выбор! Моя жизнь и так ничего не значит по сравнению с Вашей, лишь мгновение беспокойства... Не смей! Не трогай меня! Отпусти!

Амир подхватил меня на руки, но я боролась изо всех сил, упиралась руками ему в грудь, и даже пиналась. Рабыня в очередной раз взбунтовалась. Он пытался уговорить меня, при этом стараясь не причинить боли и повреждений:

– Рина... ты не рабыня...

– Я брак! Я брак в твоём гареме! Отпусти! Что, убьёшь, как Заряну? Убивай!

Перестав бороться, я повисла на его руках совершенно без сил. Амир вздрогнул всем телом и прижал к себе, моя голова болталась, руки свисали как у куклы, и только из глаз потекли ручьи слёз. Голос Вито предупредил:

– Реакция организма непредсказуема, сил практически нет.

Амир оказался в спальне и положил меня на постель, тихо сказал, едва коснувшись губ:

– Ты не рабыня.

Горячая ладонь коснулась лба, и сон навалился тяжёлым одеялом.

Амиру пришлось вернуть Фису, я не хотела говорить ни с кем и ничего не ела. Когда Вито утром принёс поднос с завтраком, я лишь отвернулась, обед скинула на пол, а поднос с ужином опрокинула на себя. Придумала себе такое развлечение, по крайней мере, на то время, пока хватит сил. Есть на нервной почве я не хотела, а может, организм осознал слова Амира и был полностью со мной согласен.

Присутствие мужа в комнате на следующий день ничего не изменило – я кинула в него чашкой, подумала, рассматривая его растерянное лицо, и вслед за ней бросила блюдце. Вито в этот момент стоял у двери с каменным лицом, но думаю, получал удовольствие. Наконец, Амир решился говорить со мной:

– Рина, ты не рабыня.

В него полетела ложка, которую он поймал невидимым движением и положил в чашку. Он аккуратно держал чашку с блюдцем, умудрившись увернуться от волны капелек чая. Так же в его руках оказалось блюдо из-под печенья, само печенье рассыпалось по всей спальне.

Обед мне принесла Фиса.

– Ты что это за бардак устроила?

– Фиса!

– Тута я, из-за меня что ли?

– Восстание рабынь гарема!

– Восстание, говоришь? Поешь сначала. Вставай, налеглась уже, вставай.

Она поставила поднос на столик, а сама села в кресло и задумалась. Я радостно вскочила, привела себя в порядок. Даже вместо халата надела красивое платье из тонкого льна и присела рядом с ней, обняла за плечи.

– Фиса, как Мари?

– Ох, девонька, натворил он, муж твой, ох натворил... только не думай, что ты во всём виновата, это боль его так вышла, ломает его звериное нутро, да гарем этот... будь он неладен.

Холод мгновенно остудил сердце, и я едва смогла произнести:

– Что... натворил?

Но Фиса не сразу ответила, погладила меня по руке, вздохнула тяжёлым вздохом неизбежности разговора, даже к окну отвернулась. Так и заговорила, не оборачиваясь ко мне:

– Всё правда, всё, что Родя тогда сказал. Мужа дочери своей из хасов назначил, а до свадьбы в школу отправил, охрана кругом, никуда не выпускают. Вито согнул твоим спасением, мол, ежели что с тобой случится – то его вина будет.

– Алекс?

– Жив, его Сережа как-то лечит своей энергией. Ты не причём, не твоя вина, он как узнал, что Ясеньку Амир продать решил, так с ним всё и началось...

Фиса опустила голову и повторила:

– Рина, ты не причём, виной себя не изводи, каждый своё должен пройти, им такое выпало.

– Да из-за меня он...

– Нет, птица наша святокрылая, его самого черёд пришёл, ты всё правильно делаешь, жизни его учишь, человеческой любви...

– Да какая любовь!

Подскочив, я заходила по комнате в нервном возбуждении, руки дрожали, слёзы готовы были выплеснуться из глаз.

– Ты не мельтеши, спокойствие от тебя надобно, коли спасти их задумала.

– Как?! Фиса, как я их могу спасти? Я вчера опять... то на коленях умоляла, обещала, что всё сделаю, как прикажет, а потом истерику закатила...

– Красиво.

– Что... красиво?

– Дерёшься, говорю, красиво.

От удивления я даже остановилась в своём лихорадочном беге:

– А откуда ты... неужели показал?

– Показал.

– Фиса... я одного не понимаю... вернее много не понимаю... зачем он всем показывает... как я...

– Так учит всех.

– Чему? Какая я идиотка? Посмотрите, какая дурочка... что все люди такие... да?

Она усмехнулась горькой усмешкой, опустила глаза и медленно проговорила:

– Амир мудрый вождь.

– Мудрый? Вот это ты называешь – мудрый?!

Я широко взмахнула руками, что натворил, какой может быть мудрый, если такое со всеми совершил.

– Учит всех... жить учит, раз любовь в себе почувствовали, бороться за неё заставляет... да на помощь от них надеется.

Фиса опять задумалась на мгновение, как исчезла в своих мыслях, а я пыталась осознать её слова.

– Рина, зверь в нём, да вождь единовластный душу с любовью делят. Амир как может тебя от них защищает, на других отыгрывается... да и то, не убил же никого... уже победа.

Она медленно встала и подошла ко мне, погладила тёплой ручкой по щеке:

– Я когда тебя на коленях-то увидела, поняла – твоя любовь всё сможет, переборет в нём зверя. Ты меня из такой тьмы достала своим прощением...

– Фиса, я не помню и думать об этом не хочу...

– Я знаю. Ты и свои страдания ради него не хочешь помнить, только ведь он-то помнит, каждый миг помнит и думает об этом постоянно, вот Тьма ему и говорит, что любить его ты не можешь... игра это у тебя. А любишь ты только их.

Мы долго смотрели друг на друга: всезнающая ведьма пыталась увидеть во мне понимание сказанного ею, а я растерянно всматривалась в её глаза в надежде найти подтверждение этих слов.

– Я с ним играю?

– Ты скажи-ка, берёзка белая, красавица, да умница-разумница, что ты за эти ночи да дни надумала? Веры в него у тебя нет, только небось и рассуждала, что он играет с тобой ради энергии, да ещё это слово сто раз повторила...

– Какое слово?

Она как смотрела в моей голове, видела все мои сомнения.

– Эмоции. Раз любовь от тебя затребовал, значит, Амиру нужны твои эмоции. Так ли думала? А ещё, что он для другой женщины старается, научится у тебя любить, да и найдёт себе настоящую жену.

Фиса сразу поняла по моему мгновенно покрасневшему лицу, что права и только тяжело вздохнула:

– А что у него в душе... как в этом бардаке твоём... подумать не смогла, ума не хватило, да гордыня не позволила.

Она опять погладила меня по щеке и неожиданно прошептала:

– Спасение ты наше, всем нам спасение. Ты меня не слушай, делай, как можешь, только живи, просто живи. Бей ирода, кидайся, чем попало, да бардаки устраивай, он счастлив от этого, душа в нём просыпается.

Вот оно – я Амира не позвала, саму возможность исключила, быть рядом не позволила, и сразу Тьма его накрыла, ирод взял верх над его душой. Фиса почувствовала изменение моего настроения и даже вздохнуть боялась, напряжённо всматривалась в мои глаза. Мои слова позволили ей задышать:

– Мы будем обедать в столовой.

Амир пришёл, когда я уже пила апельсиновый сок и говорила о том, что витамины очень полезны для восстановления нервной системы. Фиса только кивала головой, но сама сок не пила, потягивала травяной настой.

– Добрый день.

– Привет.

Строгое лицо и властный взгляд не произвели на меня должного эффекта, я продолжила:

– Амир, представляешь, я говорю Фисе, что соки полезны, а она всё о своих травах говорит.

Фиса подняла на меня взгляд – и когда она успела это сказать – но кивнула. Амир сел на диван и сложил ногу на ногу, поза уверенного в себе хозяина гарема. Только взгляд синих глаз подвёл, слишком ярко они сверкнули радостью, обрадовался, что я в хорошем расположении духа и ничем не кидаюсь.

Продолжая рассуждать о полезности витаминов для нервной системы, даже перечислила некоторые, я рассматривала Амира. Слова Фисы заставили меня в который раз посмотреть на наши с ним отношения с другой стороны. Просто моё присутствие, моя энергия и мои эмоции помогают ему бороться со своими демонами в душе. И моё очередное физическое страдание всколыхнуло в нём боль и тоску о невозможности наших отношений, не обязательно любви, просто отношений двух созданий природы. А чем мужчина может ответить на свои же мысли, любой, но особенно ирод и вождь – только гневом на тех, кому с его точки зрения лучше, чем ему. У кого всё получилось само собой, сразу тебе и любовь взаимная, и моя поддержка. Вот он, камень преткновения – с ним постоянные разборки, не так сказал, не то сделал, а к ним любовь и сострадание. Он меня к ним ревнует, даже к Мари, своей дочери и единственной надежде в жизни.

Амир смотрел на меня тёмными глазами и тоже о чём-то серьезно думал, иногда хмуря брови. Руки он сложил на груди, весь закрылся от меня, если судить по объяснениям психологов, или от себя. Вернее, меня от себя закрыл, как говорит Фиса, защищает меня от тьмы в своей душе. Что будет, если я сейчас подойду к нему... надо попробовать. Я встала из-за

стола, вызвав тревожный взгляд Фисы, и подошла к Амиру, он сразу подскочил и мрачно насутился.

- Ты сказал, что я не рабыня.
- Ты не рабыня.
- Значит, я могу обратиться к тебе с просьбой?
- Говори.
- Прокатимся на яхте?

Мне было высоко на него смотреть, и голову он как-то странно повернул, но яркий блеск в глазах я заметила. Не вписывалась моя просьба в запланированную систему поведения, поэтому решение никак не давалось. Амир даже вздохнул, а я смотрела на него преданными глазами, пытаюсь удержать улыбку. Не буду оценивать поведение Амира, да и своё тоже, сейчас он со мной и я хочу просто быть рядом с ним, а как будет дальше, так и будет. И вдруг неожиданный вопрос:

- Анфиса, ты с нами?

Фиса подпрыгнула на стуле и испуганно посмотрела на меня:

– Я бы лучше на берегу осталась... если что, кому-то спастись надобно будет... из пучин вод... морских...

- Спасут.

И такая строгость в тоне, что я голову опустила, но Фиса слишком сильно боялась моего руления:

– Амир, я травки заварю... ванну приготовлю... после плавания-то понадобится согреться. Я останусь на берегу.

Она даже руками за края стола схватилась, чтобы не унесли силой. Я хихикнула и попросила Амира:

- Пусть остаётся, а я с удовольствием потом полежу в ванне.

Сложно давалась вождю его роль, строгий взгляд исчезал под синевой, губы готовы были улыбнуться, хотя он и старался удержать маску недовольства. Да и против двух женщин бороться оказалось сложно, мы смотрели на него умоляющими глазами, а я даже кокетливо закусил губу. И кто бы мог подумать, что именно это движение поможет решиться грозному ироду, он задержал свой взгляд на моей губе и приказал:

- Вито, яхта.

Море готовилось к шторму, ну я так решила, когда увидела волны. Амир помог мне подняться на борт, но на руки не взял. И всю дорогу лишь чуть придерживал за локоток, вдруг запнувшись на лестнице или просто за свои ноги. А я обратила внимание, что, несмотря на волны, яхта практически не качалась, стояла ровно. И пришло понимание, что я должна ему сказать.

Амир подошёл к рулю и удивлённо взглянул на меня, почему не бросилась сразу рулить, а стою и рассматриваю что-то с борта. Я ничего не увидела и решила уточнить:

- Амир, кто-то держит корабль? Или это... как... система противовесов?

Взгляд стал синим-синим от моих познаний в морском деле и неожиданности такого вопроса.

- Боевики и специальная ...система противовесов.

Он не удержал строгого выражения лица и улыбнулся.

- Боевики? Они что, в воде, там?

Я бы упала, так перевесилась через борт яхты, чтобы увидеть боевиков, но Амир успел подхватить меня и поставил на палубу.

- Ты их не увидишь.
- А жаль, так интересно... получается и тот корабль тоже они...
- Нет. Он сам такой непотопляемый.

Наконец я подошла к рулю, но лишь коснулась пальцем дерева.

– Красивый... научи меня управлять яхтой.

И опять синева удивления, он даже голову наклонил, чтобы лучше меня рассмотреть:

– Ты уже управляла яхтой.

– Я не управляла, я рулила куда попало, и яхта не утонула только потому, что её удерживали боевики и система противовесов. А сейчас я хочу научиться управлять.

Я говорила спокойным серьёзным тоном и внимательно смотрела на Амира. Он сразу понял, что я имею в виду что-то другое, не просто управление яхтой:

– Что ты хочешь сказать?

– Если бы не боевики и система противовесов, то моё руление утопило бы корабль, ну и яхту. Пока я научусь... могу потопить много разных кораблей. А боевики их держат.

2

Мы так и не вышли в море. Амир долго смотрел на меня, потом подал руку и повёл в помещение внутри яхты, не знаю, как оно называется, но точно не каюта. Командный пункт адмирала. Это яхта Амира, персонально его водный транспорт.

Я походила вокруг большого стола, аккуратно обходя его, чтобы даже краем одежды не задеть, вдруг опять какой отчет о движении истребителей получу. Самый большой экран был закреплен на потолке, по всей его поверхности постоянно проходили какие-то цифры и непонятные значки. Кресло тоже космическое, вернее – адмиральское.

Амир наблюдал за мной внимательным тёмным взглядом, и когда я встала рядом с креслом, стараясь ничего не коснуться, мрачно сказал:

– Я умею управлять яхтой.

– А есть что-то, что ты не умеешь делать?

– Я могу научиться.

– Ну да, а мне даже не стоит начинать учиться управлять яхтой, одна надежда на боевиков, что они спасут меня и тех, кто осмелится плыть вместе со мной. Значит, без них мне нельзя выходить в море.

Если он не поймёт, то всё, я больше не знаю, как ему объяснить, что все те, кого он так жестоко отвёл от меня, на самом деле помогают нам обоим удержаться в штормовом море нашей любви. Интересно подумала, действительно, похоже – никогда не знаешь, с какой стороны подует ветер и когда начнётся шторм с громом и молниями. Нашей ли? Может, только моей? Не буду рассуждать, Фиса права: не надо мельтешить, хочу спасти свой ближний круг, надо быть спокойной. Значит так, повесим флаг с девизом, что Амир меня любит, только ещё не знает об этом.

Вождь есть вождь, он мыслит не так как обычные гражданские, Амир хмыкнул, усмехнулся почти улыбкой и отвёл руки за спину.

– Рина, ты удивительная женщина, готова на любые жертвы ради других.

– Не других, а своих.

– Своих?

– Все свои: Мари, Яна, Фиса, Вито...

Амир не стал дожидаться, когда я перечислю весь ближний круг:

– Почему они – свои? Разве Анфиса своя?

– Своя. Она мне очень помогла...

– Она хотела тебя убить.

– Но не смогла. Если бы она уже не стала своей, то убила бы. Фиса помогла мне понять, не так, хоть немного узнать ваш мир, в который я случайно попала.

– Не случайно.

– Не случайно, но я не об этом. Я из своей обычной жизни попала в... сказку, легенду, миф, я не знаю, как правильно сказать. И в том, что не сошла с ума именно её заслуга, она мне многое объясняла... то, о чём молчал ты. И тебе она объясняла, как с людьми общаться... Амир, если бы не они все, я бы не выжила, не в физической боли, а в одиночестве.

От напоминания о боли Амир нахмурился и опустил голову, а вот этого допустить нельзя.

– В Испании Мари спасла меня своим присутствием, своей молодостью и отношением ко мне, таким искренним и чистым.

Да, и Испанию зря вспомнила, Амир хоть и поднял взгляд, но глаза были такими, что теперь голову я опустила. А пусть, сам виноват во всём, нечего на других сваливать ошибки своего поведения.

– Они те самые боевики, которые удерживают мою... мой корабль.

– Мою... что?

У меня не хватило храбрости ответить честно, я едва успела себя остановить – говорить о своей любви была ещё не готова.

– Яхту.

– Ты не это слово хотела произнести.

– Не это, но другое пока не могу... или не хочу.

– Почему?

Амир оказался рядом со мной и схватил за плечи, но я всё ниже склоняла голову, и он отпустил руки. И тут я взорвалась, слова вылетели из меня, не успев посоветоваться с головой:

– Да потому что ты меня никогда не слушаешь! Даже когда делаешь вид, то не слышишь! Просто не слышишь! Ты вождь и всякое такое, а я простая глупая женщина, я живу эмоциями! Со мной нужно разговаривать, понимаешь – словами, буквами, просто рядом быть, а не сбегать каждый раз! Подумаешь, мне плохо стало, ты можешь спасти меня просто своим присутствием! Тем, что ты рядом, что бы я ни наговорила в бреду, в бреду! Ты же не знаешь, что со мной в этот момент происходило, откуда эти монстры... всё от незнания, непонимания всего! Если я дура, так объясни, поговори со мной, а ещё лучше сначала спроси – что и почему не поняла!

Я остановилась в своей гневной речи, чтобы набрать воздуха, но Амир подхватил меня на руки и поцеловал. Мои попытки освободиться из его рук он игнорировал, всё сильнее прижимая меня к себе. И улыбался, целуя меня:

– Рина... ты... самая прекрасная...

Ещё не совсем придя в себя от поцелуя, я смогла только прошептать:

– Яхта...

Амир расхохотался на всё море и закружил меня вокруг стола, умудрившись ничего не задеть. Я не успела заметить, как мы оказались в столовой.

– Ужин.

Опять Амир лучше меня знает, что я уже проголодалась, хотя совсем недавно был обед. Но я решила не спорить, не разрушать только что образовавшегося намёка на мирное сосуществование, хотя понимала, что он поцелуем остановил поток обвинений в свой адрес, решил, что для первого разговора достаточно.

Когда в столовую вошёл Фред, я вскочила и подбежала к нему:

– Фред, я так рада тебя видеть, ты приготовил мороженое?

– Да.

Он хлопнул в ладоши и в дверях появились высокие парни с подносами на руках. Все действо напоминало кадры из фильмов о королевских приёмах, блюда с подносов заполнили весь стол, и я с ужасом посмотрела на Амира, куда столько, нам с Фисой этого не съесть никогда, даже перепробовать все блюда не удастся. Но он только улыбнулся:

– Всё для тебя.

Мягкий, почти нежный взгляд и улыбка, строгий вождь уступил место радушному хозяину дома, или влюблённому мужу. Ух, ты, как я подумала, а всего-то один поцелуй. Два, если считать день появления.

Фиса даже ахнула, когда появилась в столовой:

– Рина, ты что, все запасы решила за раз извести?

– Это Фред постарался.

Она с сомнением посмотрела на него, и чего это он так расстарался, а Фред только улыбнулся ей и широким жестом пригласил за стол.

Ужин превратился в дегустацию самых разнообразных блюд и надо отдать должное Фреду, он подавал нам каждого блюда по совсем маленькой порции, чтобы мы смогли попробовать больше вкусов. Но на мороженое я уже посмотрела очень грустно, пожалуй, даже маленькой ложечки не смогу в себя втолкнуть. Дополнением к блюдам был рассказ автора кулинарных изысков – кстати, уже очень сносно изучившего язык жены вождя – о том, какие народы придумали эти рецепты. Мы с Фисой только удивлялись познаниям Фреда, а Амир улыбался и изредка кивал головой своим мыслям.

Я всё же съела несколько ложечек изумительного мороженого странного синего цвета, а Фред рассказал, что такое мороженое делали древние римляне, добавляя в лёд такую-то травку, совершенно непригодное для меня название.

– Это просто лёд?

– Да, вкус придаёт сок этой травы. Но сейчас она встречается очень редко, лишь в нескольких, сохранившихся с тех времен, рощах.

Фреду очень нравилось говорить с нами, он счастливо улыбался, а глаза светились нежностью. Только вот как к этому относится вождь, было непонятно. Амир так ни слова и не произнёс, хотя время от времени посматривал на него странным взглядом, не грозным, но странным. А я, слушая рассказы Фреда, пыталась понять: он готовил свой выход с торжественным ужином до моего разговора с Амиром, значит, тот ему это уже разрешил, или приказал. Явно несамостоятельное решение повара показать, что он лучший в мире. И тут же догадалась – Фред знакомое лицо, но не ближний круг, лишь повар, хотя тоже успел сыграть свою роль в наших отношениях.

– Анфиса, ты приготовила ванну?

Опять строгий тон, и взгляд вождя на заседании штаба войск.

– А как же, можно хоть сейчас купаться.

Амир встал, посмотрел на Фреда и тот, слегка поклонившись, вышел из столовой.

– Рина, я сейчас уеду и вернусь утром.

Я только кивнула головой, можно подумать, он мне докладывается, что будет занят – мол не скучай дорогая жена. Или поедет вызволять из ссылки кого-нибудь из ближнего круга? Я уже открыла рот, чтобы спросить, но тут же опустила голову, не нужно торопить события, пусть сам решит, кого можно допустить к общению со мной.

– Ты что-то хотела сказать?

Он меня чувствует, или догадывается о моих мыслях после громкой выходки на яхте. Я хотела отшутиться, но вдруг честно призналась:

– Всего лишь хотела спросить, кому ты разрешишь вернуться ко мне.

– Почему передумала?

Амир оказался рядом со мной, руки в карманах и тот же строгий взгляд.

– Это твоё решение – разогнать всех по дальним углам, тебе и возвращать.

Усмешка едва тронула губы, а в глазах появился прищур, но я не опустила взгляд, хотя смотреть на такую высоту было неудобно.

– И ты не будешь...

– Нет, я не буду ни за кого просить. Вам с этим жить Ваши шестьсот лет.

Я не ожидала от себя такого тона и повторения своих слов, сказанных в истерике. Но деваться некуда, сказано уже, почему-то мозг решил именно так напомнить о нашем разговоре. Всё понятно, поцелуй поцелуем, но от своих слов, пусть и высказанных в таком состоянии, я не отказываюсь. И только теперь осознала: я сказала: «Вам», не «тебе», а «Вам», отодвинула его самого в положение чужого, не своего. Да ещё и намекнула – срок моего присутствия рядом с ним недолгий, ему решать, как это время проводить, как жестокому хозяину или любящему мужу. Ну, с этим я погорячилась, хотя учить любви сложно в условиях рабства, лучше в состоянии иллюзии этой самой любви. Или хотя бы мирного сосуществования.

Прищур стал жёстче, чёрные глаза практически исчезли, а я опустила голову, думай вождь и решай, раз признал, что я не рабыня в твоём доме. Когда я посмотрела на него, Амира уже не было. Фиса длинно вздохнула и покачала головой:

– С огнём играешь.

Я лишь пожала плечами, выхода иного нет, рабыней стать я не могу, уже понятно, остаётся только бороться за свободу других.

Ванна немного успокоила нервы, Фиса постаралась, догадываясь, что на яхте мы вряд ли будем мирно плавать. Пока я подрёмывала в тёплой воде, укрытая вместе со всей ванной тёплым пледом, Фиса сидела рядом и только вздыхала.

– Фиса, не вздыхай, всё будет хорошо. Раз появился, то готов к моим... выходкам.

– Готов-то готов, только вот до чего додумается, никто не знает.

– Никто, остаётся ждать утра.

– Ох, Рина...

После десятого вздоха я поняла – Фиса не решается мне сказать что-то, всего скорее из проступков Амира.

– Фиса, ты ведь не всё мне рассказала... что Амир сделал?

В ожидании ответа я заледенела в тёплой воде и потянула плед на себя, Фиса сразу насторожилась и заохала:

– Я глупая старая курица! Да ничего он не совершил, вылезай скорее...

Она заставила меня вылезти из воды, уложила в постель и завернула в одеяло. Практически сразу в комнате появился Вито:

– Рина, что с тобой?

– Всё... хорошо... я в ванной замерзла...

Грозный взгляд в сторону Фисы заставил её оправдываться:

– Да я... почти кипятком был... я же... Витёк, это твой хозяин во всём виноват! Довёл всех, а Рина леденеет в кипятке от мыслей своих! За вас всех льдом покрывается!

– Фиса, я только подумала...

– А тут думать нечего! Ты себя изведёшь мыслями глупыми, а мы потом что? С нами что будет? Этот ирод совсем с ума сойдёт без тебя! Уже успел наворотить, тоже... задумался!

Она даже пальцами покрутила как я, демонстрируя, до каких дурных мыслей Амир без меня додумался. А Вито вдруг встал на колени перед моей постелью и хотел взять меня за руку, но резко поднялся и отошёл.

– Вито... я... говори, ты что-то хотел сказать?

Каменное лицо и тяжёлый взгляд, Вито стоял так долго, и только по рукам, заведённым за спину, я поняла, что он сильно волнуется. Я не выдержала и протянула к нему руку:

– Вито, говори, я не боюсь...

– Я знаю. Я боюсь.

– Чего... Вито... Амир не посмеет...

– За меня не переживай.

– Меня он не тронет! Никогда не тронет! Пальцем не коснётся!

– Рина...

– Фиса, ты всё видела, хочет учиться любви, так вот, пусть учится у кого-то другого!

– Амир всё...

– Пусть смотрит! Амир, я тебя не боюсь! Ты не любовь получишь, а ещё шестьсот лет одиночества! Ближний круг – это я! А я – это ближний круг! Хочешь, входи в него, будь со всеми нами, не хочешь, вали в свою темноту! Ты сам, только сам можешь решить, что со своей темнотой делать!

Размахивая руками, я орала на весь дом, нервы действительно оказались не в порядке. Вито кинулся ко мне, но не мог успокоить, я продолжала кричать и вздрагивать всем телом. Я не заметила в своём крике, что Фиса оказалась передо мной и дунула в лицо, темнота сразу накрыла меня, и звуки исчезли.

Тёплый ветер шевелил волосы и бросал мне в лицо капельки моря. Тяжёлый вздох перешёл во всхлипы и голос Яны прошептал:

– Рина, открой глаза, посмотри на меня, Рина...

– Яна...

– Вито! Рина пришла в себя!

Яна неожиданно громко крикнула, и сразу голос Вито приказал:

– Рина, посмотри на меня.

Приоткрыв один глаз, я увидела тревожные глаза Вито и заплаканное лицо Яны. Попытавшись улыбнуться, я спросила:

– А где Фиса?

– Травы перебирает с Амиром.

Мои глаза широко открылись от удивления – Амир травами занимается? Вито облегчённо улыбнулся:

– Они разговаривают. Амир с Яной уже возвращались, когда ты... высказала своё мнение.

– Он ехал за тобой?

Яна всхлипнула, утёрла слёзы и только тогда ответила:

– Амир вчера приказал мне приехать в ваш старый дом, а сегодня...

– Старый дом? Тот, с коврами?

– Да.

Я зашевелилась на постели, но Вито не позволил мне встать:

– Лежи, тебе пока нельзя вставать.

– Истерика ещё не повод лежать. Сейчас что?

Вито только нахмурился, а Яна честно призналась:

– Утро.

– Значит, купаться и завтракать.

Мысль о том, что Амир не сбежал, а о чём-то говорит с Фисой, придала сил, и я решительно встала. Вито был изгнан из спальни, а Яна помогла мне привести себя в должное состояние. Правда, она сначала проверила мою энергию и тоже покачала головой, как Вито:

– Ты слаба.

– Вито сказал, что это нервы. А нервы лечат сладким.

Своё страшное желание узнать, что она делала в старом доме, я задавила на корню, пусть муж сам объяснит. Поэтому спросила о Мари:

– Яна, как там Мари?

– Она отказалась выходить замуж за Феликса.

– Это которого Амир ей предложил?

– Приказал.

Для Яны это было значимое уточнение, но она вдруг улыбнулась:

– Мари очень храбрая девушка.

– И что теперь?

– Она в школе продолжает заниматься детьми. Серж и Алекс тоже там.

– И как Алекс?

Яна опустила глаза и побледнела, но смогла сказать:

– Он жив, Серж помогает ему с энергией. Только у него получилось, он ...человека для Алекса ищет.

– Яна, я могу ему помочь! Надо чтобы он сюда приехал, или я к нему поеду...

– Никуда ты не поедешь, придумала тоже, лежи, пока я...

– Я не буду лежать.

В дверях стояли Фиса и Амир. Я подошла к Амиру и повторила:

– Я не буду лежать. И после обеда мы поедем...

– Алекс и Серж едут сюда.

Взгляд Амира пронзил меня как копье, и он сразу отвернулся, приказал Яне:

– С ними едет женщина, которую для Алекса нашёл Серж. Проверь энергию.

Яна закрыла лицо ладонями и убежала, именно убежала, а не исчезла, как они обычно делают. А я облегчённо вздохнула, ну вот и хорошо, Алекс теперь спасён.

Гордо прошествовав между ними, я направилась в столовую, Фиса вообще не смогла больше ничего сказать, так и осталась стоять с кувшином какого-то настоя.

– Рина.

Амир встал передо мной и закрыл собой всё пространство. Какой же он большой, я перед ним как гном. Такой смешной гномик, круглый такой, глуповатый и истеричный. Он стоял и смотрел на меня сверху своими удивительными глазами, голубыми-голубыми, как рассветное небо, прозрачное и наполненное первыми лучами солнца. Я уперлась пальцем ему где-то на уровне груди и спросила:

– Почему не убежал?

– Я не собирался убегать.

– А разве ты не слышал моей истерики?

– Слышал и видел.

– Ну, и почему вернулся?

– Ты мой ближний круг.

– А я – это все остальные свои.

Так смешно, гномик ставит условия гиганту, который одним мановением мизинца может уничтожить толпу гномиков, и не только гномиков, таких же гигантов. И мне срочно потребовалось уточнить этот вопрос, не дождавшись его ответа, я спросила:

– Я – гном?

Амир посмотрел на мой палец, усмехнулся и очень серьёзно ответил:

– Ты не похожа на гномов.

– Ты их видел?

– Видел.

– Где?

– В пещерах. Гномы и сейчас там живут.

– Настоящие гномы?

– Настоящие.

А что странного, если ведьмы и ироды существуют, то почему бы и гномам не жить в пещерах.

– Может ты и дракона видел?

– Дракона не видел.

Я убрала руку за спину и обошла его, но Амир опять оказался передо мной.

– Рина, ты – мой ближний круг.

– И поэтому ты всех от меня убрал? Только я вхожу в этот круг? Неужели ты мне доверяешь? Мне?

– Я доверяю только тебе.

Спокойный уверенный взгляд и плотно сжатые губы, никакого сомнения. И как мне к его словам относиться? Все мои мудрые мысли исчезли мгновенно, я видела только синеву глаз. И шёпотом задала единственный вопрос, который проявился в голове:

– Почему?

– Ты отдаёшь свою жизнь другим жизням. И ничего никогда не просишь.

Очень конкретный ответ ирода. Никаких эмоций, точный расчёт. Я кивнула и, отступив на несколько шагов, его обошла. И опять Амир не позволил уйти, встал передо мной и положил свои руки мне на плечи, не тяжело, но ощутимо. Взгляд потемнел, но синева ещё сверкала.

– Ты не веришь мне?

Я попыталась пожать плечами, но удерживаемые ладонями Амира, они не шелохнулись.

– Верю. Только я...

И замолчала, как ему объяснить, что ближний круг, это те, которых ты любишь не за что-то, а потому что они просто есть рядом с тобой, живут в твоей жизни. Ты их любишь, и они тебя любят. Амир смотрел на меня и пытался понять мои мысли, не задавал вопросов, хотя губы иногда вздрагивали. И я решилась:

– Амир... я... верю, что ты ценишь во мне... положительные качества личности...

– Что?

Мне понравилось, как он на меня посмотрел – удивление выразилось не только в высоко поднятых бровях и смешно искривленных губах, глаза округлились и превратились в два голубых шарика. Я притворно вздохнула:

– Но ты же сам сейчас сказал, что я ничего не прошу, очень даже выгодно – тратиться нет необходимости. Мне, правда, ничего от тебя не нужно... Амир, дай мне возможность объяснить...

Он открыл рот, но потом кивнул, хотя при этом покачал головой, давая понять, что не согласен со мной. Я едва не хихикнула, так изменилось его лицо, почти человеческое выражение удивления, никакой маски вождя.

– И жизнь я отдаю добровольно, значит, тоже положительная черта личности.

В глазах Амира что-то изменилось, как искра пронеслась, а на губах проявилась улыбка. Наступила очередь мне удивляться, только что был со мной не согласен, и вдруг улыбается. Он весело усмехнулся и спросил:

– А губы – это личность?

– Губы? Губы это тело... лицо...

Наверное, моя физиономия тоже слегка перекосилась, потому что Амир тихо засмеялся и задал ещё один странный вопрос:

– А тело имеет отношение к личности?

– Тело? Какое тело?

Амир подхватил меня на руки:

– Вот это. И эти восхитительные губы.

Страстный поцелуй подтвердил мнение, и мой организм счастливо с ним согласился – мои губы это моя личность. Его тело любит меня, и не важно, за что: за энергию, которую от меня получает в момент поцелуя, за попытку научиться любви через мою любовь, или ещё за что-нибудь, о чём я даже не догадываюсь. Моё тело чувствует его тело, его стремление ко мне, пламя в крови, которое не сыграть даже ироду. Амир с трудом оторвался от меня и застонал:

– Рина... я... могу не удержаться... прости...

Я бы упала на пол, Амир просто исчез, но меня успел подхватить Вито.

– Рина, как ты? Амир не...

– Всё... хорошо...

Уткнувшись ему в грудь, я зажмурила глаза, всё-таки нервы не в порядке, слёзы готовы выплеснуться в любой момент. Вито поставил меня на ноги и провёл руками по плечам:

– Повреждений нет.

Мне пришлось глубоко вздохнуть несколько раз, чтобы прошептать:

– Вито, всё в порядке... Амир не успел... Ты видел?

– Рина, я всегда вас сопровождаю. Прости.

– Зачем?

Мой наивный вопрос заставил Вито опустить глаза.

– Приказ Амира.

И я поняла:

– На всякий случай? Как... сейчас?

– Да.

Вот он ближний круг, только Вито может остановить Амира, не дать ему возможности меня убить в порыве страсти. И Амир это понимает, понимает он и то, что я приму помощь тоже только от Вито, потому что доверяю ему во всём. Я схватила Вито за руку и спросила:

– Что случилось? Почему Амир так изменился? Объясни мне, что я делала не так? Только ли потому что сказала, что не позову его? Вы не должны страдать из-за меня!

Он склонил голову, как-то спрятавшись от моего взгляда, требующего ответа на сложный, очень сложный вопрос. Я не выдержала:

– Я во всём виновата, понимаешь, только я, и не хочу повторить...

– Ты ни в чём не виновата.

– Вито!

Я даже ножкой топнула, но он повернул в сторону голову и странно сгорбился.

– И что ты к нему пристала?

Фиса встала рядом со мной и тяжело вздохнула:

– Ничего он тебе не скажет, зря не кипятись. Не в его власти тебе правду говорить, у хозяйина спроси, ежели храбрости хватит.

– Хватит!

Я решительно повернулась идти в столовую, но Вито остановил меня, придерживая за локоть:

– Рина.

– Что?

– Амир сейчас занят Алексом, перенеси разговор на другое время.

И такой взгляд, чёрный как ночь, и лицо такое, как тогда, в момент нападения на наш дом.

– Вито... почему... что-то ещё случилось?

По быстрому мгновенному взгляду я неожиданно очень чётко осознала – игра, вся ситуация была игра.

– Зачем? Амир... за что?

– Не за что, а – зачем, сначала правильно подумала, а потом опять обиду пустила.

– Фиса... я не понимаю... я ничего не понимаю...

– Да с твоей дурной башкой! Ты... ты... изведёшь нас всех!

Фиса не выдержала, крикнула на меня и рядом с Вито сразу появился Амир.

– Что случилось?

Я подняла на него растерянный взгляд:

– Амир... всё игра... это была игра? За... зачем?

Амир нахмурился, лицо стало жёстким и властным.

– Я сама поняла, они ничего не сказали... я твоя жена, объясни мне, в чём я виновата...

Довод оказался решающим, Амир опустил глаза и кивнул:

– Хорошо.

Он перенёс меня в столовую и позвал:

– Фред.

Сразу в столовой появился главный повар с подносом, к счастью, блюд было немного. Прежде чем говорить со мной, Амир решил меня накормить.

– А Фиса?

Амир поднял на меня тяжёлый взгляд, Фред исчез, и я быстро зачерпнула ложечкой какого-то на удивление безвкусного варева из золотого блюда. Только когда я немного поела под контролем мужа, и Фред унёс посуду, начался откровенный разговор.

Я вздрогнула, когда Амир оказался на полу у моих ног. Ладони на коленях, синий взгляд мудрого вождя. Тихим спокойным голосом он заговорил:

– Ты постоянно отдавала мне свою жизнь, и нам никак не удавалось остановить этот процесс. И только когда ты испугалась монстров, поток прекратился... на время, пока я не появился рядом с тобой.

– Но я же хорошо себя чувствовала...

– Ты слабела с каждым днем, твоя жизнь...

Он резко опустил голову, помолчал мгновение и снова заговорил, не поднимая на меня глаз:

– Я забираю у тебя всю энергию, чем сильнее эмоции, тем больше поток. И только страх перед монстром...

– Но я была в бреду!

– Именно твой бред и позволил хоть на время остановить процесс. Ты должна относиться ко мне как к монстру.

Он поднял голову и посмотрел на меня чёрными глазами отчаяния и боли.

– Я монстр.

– Конечно монстр! Зачем ты Мари хотел выдать замуж за...

– Чтобы она доказала свою любовь к Вито.

– Ты их проверял?

– Да. За любовь нужно бороться и защищать её...

– От тебя?

– И от меня тоже.

Фиса права, он учит их жизни и борьбе, а ещё она сказала, что ждёт от них помощи. Помощи в чём? В любви, раз уже любят сами? Помочь ему научиться любить? Вопросы роились в голове, но ни на один не было ответа. Амир ждал моей реакции на свои слова и молчал, смотрел тёмной синевой глаз с лёгким прищуром. Ни одного движения, статуя Будды в храме.

– Ты думаешь... а теперь я тебе не отдаю энергии?

– Отдаёшь.

– Я ничего не чувствую...

– Я чувствую.

– Ты хочешь уехать?

– Я хочу решить проблему.

Амир принимает любой вызов судьбы и действует. Сила хасов возмутилась, и он нашёл выход из положения, я уже даже не помню, не думаю о ней. Пока я плаваю в бассейне и обижаюсь на него, он делает всё, чтобы спасти мне жизнь. Ну и ещё отбивается от моих истерик. Тяжело вздохнув от осознания очередной своей вины, я спросила:

– И что теперь? Ты их... им не разрешишь быть вместе?

– Почему ты не спрашиваешь о себе?

– А что обо мне? Пусть будет, как будет, я обещала выполнить предназначение, я готова.

И протянула ему руки:

– Амир, я истеричка и просто глупая женщина, да и нервы не в порядке, мне никогда не понять такого как ты... я таких никогда не встречала раньше... в той жизни. Сколько будет времени, пусть столько и будет, оно моё... и твоё... ты только потерпи моё присутствие немного, ну, сколько получится. Только не уходи, не бросай меня... даже когда я кидаюсь всем, что попадет в руки...

– Ты не истеричка.

Амир взял мои руки в свои ладони и едва коснулся губами пальцев.

– Я спасу тебя.

3

Девушка была испугана до того состояния страха, когда сам страх исчезает. Она сидела в кресле и тупо смотрела на Вито, стоявшего перед ней, то есть не видела ни его, ни окружающих мужчин. Даже Яну она не выделяла, никак не отреагировала на песню, а когда я взяла её за руку, ладонь просто повисла, меня она тоже не заметила. Алекс без сознания лежал на кушетке.

Амир нахмурился, когда Яна влетела в столовую, но я сразу вырвала свои ладони из его рук и кинулась к ней, догадавшись по лицу – что-то случилось с Алексом.

– Он потерял сознание!

– Пошли!

– Нет.

Амир уже стоял рядом со мной.

– Он погибает из-за меня...

– Рина.

– ...и я могу его спасти. Амир, не останавливай меня, мы с тобой должны научиться понимать друг друга... начнем с болезни Алекса.

Амир не стал спорить, только посмотрел на меня с такой тоской, что я взяла его за руку и прошептала:

– Я буду себя беречь, а ты мне в этом поможешь.

Только у меня ничего не получилось. Когда Амир принёс меня в лабораторию, я сразу протянула руки к Алексу, но он не открыл глаз.

– Ты мешаешь, отпусти меня.

Но и освободившись от рук Амира, я не смогла ничего сделать – Алекс не принимал моей энергии. Я даже потрясла его за голову, но она только бессильно болталась в моих руках. Вито доложил:

– Алекс слабеет.

– Ему может помочь только она.

Я даже не заметила, что рядом с нами стоит Сережа. Он показал на девушку, которая сидела в кресле. Пытаясь вывести из состояния ступора, я долго держала её за руку, пыталась поговорить с ней, спела какую-то песенку. Потом Фиса пыталась привести её в чувство, но и у неё ничего не получилось. Наша надежда на песню Яны тоже не оправдалась, девушка не приходила в себя.

В ужасе от невозможности помочь Алексу, я лихорадочно искала выход, походила вокруг статуи безмолвной девушки и спросила Сережу:

– А что вы о ней знаете? Кто она?

И только сейчас разглядела – блондинка с голубыми глазами, цвета серого льда. Ну, это от страха.

– Я встретил её в магазине, почувствовал энергию, поэтому информации пока мало. Зовут Анна Мителли, работает учителем в школе, двадцать шесть лет, не замужем, живет одна.

– И вы её сразу выкрали?

– Да. Из магазина.

– И как она?

– Испугалась.

Я только руками взмахнула: ну, конечно, даже удивительно, что девушка не умерла от страха.

– А усыпить не догадались?

– Пытались, она не реагирует на нашу энергию.

– Значит, её собственная энергия очень сильна.

– Да.

Яна опустилась на колени перед Алексом и гладила его по голове, что-то шептала о своей любви. Я подняла глаза на Амира и заметила его взгляд, задумчивый и немного грустный. Всего скорее он вспомнил, как я когда-то также молила его прийти в себя после удара силы хасов. Мгновение и он оказался рядом с Анной, медленно двинул рукой, и она вскрикнула от боли. Тяжёлым глухим голосом Амир произнёс длинный шипящий звук, и Анна посмотрела на него, испуганно прижав покрасневшую руку к груди. Я даже ахнуть не успела.

Несколько фраз Амира на итальянском произвели неожиданный эффект на девушку, она согласно кивнула головой, и он подал ей руку, помогая встать. Посмотрев на меня тёмными глазами, попросил:

– Рина, возьми Анну за руку.

Я радостно кинулась к девушке, но Амир закрыл её собой.

– Только рука.

Кивнув, я взяла девушку за холодную ладонь, и мы подошли к Алексу.

– Возьми Алекса за руку. Янина, Вито, образуйте круг, Анфиса, держи Анну.

Амир отдавал приказания тоном вождя, и девушка опять испугалась, попыталась достать свои пальцы из моей ладони, но я не позволила, зашептала:

– Не бойся, всё будет хорошо, ты ничего не бойся, тебя никто не обидит.

Она не понимала моих слов, но всё же перестала вырываться. Круг, образованный нами, спас Алекса: как только я взяла его за руку, по моему телу понёсся спасительный огонь энергии Анны.

Алекс открыл глаза и Амир сразу меня унёс, Сережа перехватил руку Анны из моей ладони, и я оказалась в своей спальне.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Амир, не уходи.

– Я не уйду.

Он уложил меня на постель, а сам лёг рядом и обнял, его энергия окутала горячей волной, и я вскоре уснула.

Дети весело бегали вокруг меня и пели песенки, каждый ребёнок пел свою, поэтому слов я понять не могла. Одна из девочек вдруг громко произнесла:

– Рина, ты теперь с нами, не бойся, мы хорошие, мы никого не обижаем.

А маленький мальчик, самый маленький среди детей, схватил меня за руку и прошепелявил:

– Шама к нам присла, ты холосая, мы помозем.

– Поможем, мы тебе поможем, поможем, поможем...

Хор детских голосов закружился вихрем, и я проснулась. Тёплые пальцы коснулись щеки и Амир спросил:

– Тебе что-то приснилось?

– Дети... они сказали, что помогут... один такой маленький, а помогать мне собрался. Это к чему такой сон?

Я лежала в руках Амира, который обнял меня всем телом, как будто завернул в себя. Он поцеловал мои волосы, я почувствовала его улыбку.

– Новая энергия.

– Дети новая энергия?

– Самая сильная.

И что-то произошло, я почувствовала всем телом, как ледяной ветер пронзил Амира.

– Молчи, я прошу тебя, не говори о своих мыслях, они пройдут, исчезнут рядом со мной...

Мой лихорадочный шёпот не согрел рук, лишь последовал тяжёлый вздох. Я подняла голову, но посмотреть в глаза не смогла, увидела только плотно сжатые совершенно белые губы. Мои попытки освободиться из всё твердеющего захвата его рук не увенчались успехом, и я крикнула:

– Амир! Твои мысли меня убьют!

Он не сразу смог справиться с собой, но тепло постепенно размягчило металл мышц и руки безвольно опустились. Я сразу наклонила голову Амира и поцеловала его холодные губы, зашептала:

– Прошлое ушло, исчезло, я не хочу знать, что с тобой было до меня, не знаю и знать не хочу. Ты теперь от меня никуда не денешься, никуда не сбежишь, как ни старайся. Я тебя догоню...

– Догонишь?

Хриплый голос трескался звуками отчаяния, внутренней боли и страха. Ага, догоню, сказала тоже, но уже радость, что слышит мои слова.

– Кину чем-нибудь.

– Я монстр.

– Да знаю я, доказал уже, и как я тебя терплю сама не понимаю. Придумал тоже проверку для всех, как теперь им объяснить, что ты всё из-за меня затеял? Мари небось не подчинилась приказу?

– Не подчинилась.

– Пусть приедет, я сама с ней поговорю.

Чернота глаз слегка посветлела и на губах проявилась лёгкая улыбка, я сразу поцеловала их.

– Ты монстр, разве можно свою родную дочь так изводить, она у тебя очень сильная девочка, всё понимает и чувствует. И любит тебя.

– Мари любит меня?

Синева полыхнула таким светом, что я зажмурилась и хихикнула:

– Дурачок, конечно, любит, ты для неё самый лучший в мире отец, самый-самый. Только учти – Мари вся в тебя, да ещё материной вольности в наследство получила, она покруче тебя характером растёт. Это она пока силу свою не осознаёт, подросток на самом деле, а как в силу войдёт... ты ещё вспомнишь все свои родительские ошибки.

– Родительские?

И сразу тревога в глазах, я опустила голову, чтобы Амир не увидел моей улыбки. Как он может понять, если никогда не знал своей матери, а отец воспитывал его не как сына, а лишь как вождя. Кстати, он никогда не говорил о своем отце.

– Тебя же отец воспитывал. Каким он был?

Амир молчал так долго, что я попыталась посмотреть на него, но он прижал мою голову к своей груди и тяжело вздохнул. Наконец, заговорил:

– Я видел своего отца только на Советах. Впервые мы встретились, когда мне было десять лет.

Помотав головой, я освободилась из его рук и посмотрела в строгое лицо.

– Как это?

– Я рос в доме воинов, назначенных вождём для обучения своего преемника.

Амир был для своего отца только преемником, не родным существом, а только тем, кто станет вождём после него. Заикаясь от ужаса, я спросила:

– Но... был же кто-то... ну самый близкий для тебя... среди них... может ответственный перед вождём...

– Воины все равны в ответственности. Я для них был будущим вождём.

Пока я собиралась с мыслями, не зная, что сказать, Амир добавил:

– Если вождя что-то не устраивало в моей подготовке, он заменял учителя.

Мальчик, не помнивший своей матери, живший среди взрослых солдат, которых постоянно менял не отец, а вождь, что он мог знать о любви, вообще о возможности каких бы то ни было чувств? А потом шестьсот лет жил иродом, которому по природе отказано в любви. Я прижалась к его груди и вздохнула.

– Ты с моей энергией получил столько всякого разного хаоса, никакое воинское воспитание не спасёт, одно сплошное шатание в разные стороны.

– Шатание?

Удивление было таким искренним, что я с трудом удержалась, чтобы не засмеяться. Я не позволю ему утонуть в тоске и мрачных размышлениях о своём прошлом, каким бы оно не было.

– Ты очень... как это правильно сказать... цельный, ты всё продумываешь, сразу действуешь, ничего никогда не забываешь, всегда добиваешься своей цели. Решил что-то и всё, ничем тебя уже с дороги не сбить. А я? Я за секунду могу надумать такое... сто раз поменяю свои же мысли и решения, сплошной хаос и разрушение. Я разрушитель.

Непонятный звук, который издал Амир, превратился в тихий смех. Я не понимала его реакции на свои слова, но радостно прижималась к вздрагивающей груди. Пусть смеётся надо мной, пусть говорит всё что угодно, лишь бы не впадал в свою мрачную темноту. Амир неожиданно успокоился, сильно прижал меня к себе и зашептал:

– Рина, ты свет, который разрушает мои оковы монстра. У меня бывает странное чувство... чувство, ироды не чувствуют, но оно возникает, когда ты рядом, вот так обнимаешь меня...

И вдруг застонал сквозь зубы:

– Но я убиваю тебя...

– Амир, я...

– ...убиваю каждую секунду, ту секунду, которая делает меня счастливым... это чувство счастья, я никогда не знал, что так может быть от простого прикосновения, улыбки... поцелуя...

Он погладил меня по волосам и коснулся их губами.

– От гневного взгляда и летящего предмета.

– Прости.

– В меня ещё никто не кидался посудой.

– А чем в тебя кидались?

– Другими предметами.

– Какими?

– Копьем. Камнем. Гранатой.

– Ух, ты, радуйся, что у меня под рукой гранаты не оказалось.

Амир опять тихо засмеялся, уж гранаты он мне не позволит держать в комнате, я сама как граната без этой как там, ах да – чеки. Я старалась ни о чём не думать, отгоняла все мысли, только пальцы дрожали, да лицо горело. Он признавался мне в любви, но сам этого ещё не понимал. И я не буду об этом думать, буду ждать слов, настоящего признания с коленопреклонением и красивым кольцом. Если доживу.

– Тебе пора ужинать, обед ты проспала.

– Уже вечер?

– Почти ночь.

Я не успела заметить, что в комнате уже горит мягкий свет, а за окном темнота. Но отпустить меня из своих объятий Амир не собирался, невероятным образом он встал с постели со мной на руках, и мы оказались в столовой.

За столом сидела Фиса и о чём-то тихо разговаривала с Сержем. Я сразу спросила:

– Как Алекс?

Ответил вскочивший Серж:

– Он практически восстановился. С ним Яна.

Я облегчённо вздохнула и завозилась в руках Амира, который не торопился отпускать меня.

– Ужин?

– Ужин.

Наконец он осторожно посадил меня за стол, а сам отошёл к дивану, что-то сказал Сержу и исчез. Я оказалась очень голодна, но затребовала отчет:

– Я пока буду есть, а ты, Фиса, хоть поела?

– Даже обедала, ты ешь, на меня не смотри, небось ослабла опять?

– Я хорошо себя чувствую, и Амир помог мне своей энергией. Сережа, расскажи, как всё прошло. Подожди, сначала скажи, почему Алекс не принимал моей энергии? Ведь тогда у меня получилось.

Серж мельком взглянул на Фису и опустил голову, а она сразу ответила:

– Лёшенька сам так решил, как слабеть начал, вот и не смогла ты с ним жизнью поделиться. И человека не хотел искать, да Серёжа молодец, энергию Лёшину смог понять, сам везде смотрел да вынюхивал.

– Как это – не хотел искать? С ума сошёл, а Яна, он о ней подумал?

– Рина, мужики все такие, как что – так умру и всё. Правда, некоторые, тута которые сидят, тоже этим страдают.

– Фиса!

– А что Фиса? Кто лежал как амёба ползучая?

– Нашла, что вспоминать...

– Ладно уж, кто прошлое помянет...

– Не ворчи. Лучше расскажите об Анне, как она?

– Отдыхает.

Серж, наконец, позволил себе подойти к столу, и Фиса сразу предложила:

– Садись Серёженька, в ногах правды нет, ты не ирод, сил в тебе хоть и много, да отдохнуть тоже надобно.

Он смущённо улыбнулся и сел за стол. Я решила уточнить, понимая, сам он не признается, что голоден:

– А ты уже ужинал?

– Мне еды нужно меньше, чем вам, я уже ел вчера.

Я удивлённо подняла на него глаза и замерла с вилкой в руках:

– Но ты же...

– Я человек, но много тренируюсь с энергией. Хасы при необходимости могли не есть до двадцати дней и сохранять силу. Но чай я люблю.

Фиса тут же налила ему чай и подвинула чашку ближе:

– Пей, милоч, Федя у нас вкусный чай заваривает.

Серж сделал большой глоток и поставил чашку, дело превыше всего.

– Анна Мителли, состояние здоровья удовлетворительное, есть некоторые проблемы, но энергия очень сильна, поэтому она не чувствует повреждений организма. Мы её вылечим.

И сразу возник очень важный вопрос:

– Так теперь она уже...

– Анна поедет в школу к Мари. Рина, ты должна понимать, что...

– Никого из своих рук не выпускаем.

Фиса усмехнулась:

– Правильно понимаешь. Да и энергия у неё уж больно сильна.

Серж кивнул головой и подтвердил слова Фисы:

– Энергия Анны действительно уникальна для человека.

– Уникальна?

– Она...

Фиса замялась, даже головой покачала, но я не опускала с неё глаз, понимая, что речь пойдет обо мне.

– Она как я? Может ещё кому-нибудь передавать свою энергию?

И Фиса решилась, хотя и посмотрела на меня тревожным взглядом:

– Может оно конечно Амир как-то посодействовал, только она всем передавала в тот момент, все почувствовали. А может ты её своей дурью-то заразила...

Но Серж с ней не согласился:

– Анна потом очень сильно потянула из нас, едва закрылись. У организма Рины нет такой способности. Амир правильно сделал, что унёс тебя, ты и так много отдала Алексу.

И такой строгий взгляд, что я чуть не поперхнулась, а Фиса радостно заявила:

– Серёжа, давай ты Рине клапан-то закроешь, а? Сможешь?

– Фиса, нет у меня никакого клапана!

– Так я и говорю, закрыть тебе его надо, раз сама не хочешь.

Но Серж только улыбнулся:

– Я не могу воздействовать на организм Рины, только поделиться с ней энергией.

– Сережа, я хорошо себя чувствую, не надо со мной делиться. Вот поем и пойду спать.

– Можно мне посмотреть?

Я протянула руку только для того, чтобы Фиса успокоилась, ведь только что лежала в коконе энергии Амира. Серж медленно её взял в свою тёплую ладонь и сразу вскинул на меня глаза:

– Ты практически... Амир!

Амир появился за секунду до крика Сержа, схватил меня на руки и рявкнул:

– Не смей! Алекс в норме, ему не нужна твоя жизнь! И Анне не нужна!

Огонь полыхнул по всему телу, и я ойкнула. Амир прижал меня к себе и зашептал:

– Рина, с ними всё хорошо, слышишь, и со мной всё хорошо...

Опять громко крикнул:

– Убрать их!

И вдруг сквозь боль и жар огня я услышала жёсткий голос Роберта:

– Амир, нужна вода, ледяной поток.

Вспомнились дни моего ужасного лечения Фисой: меня окунали в ледяной поток, который едва не сбивал с ног Амира, потом варили в кипятке, не обращая внимания на мои попискивания. Когда я перестала понимать, что со мной происходит, а кожа уже не реагировала

на изменение температуры воды, Амир завернул моё истерзанное тело в тёплое одеяло, а Серж и Роберт взяли меня за руки. Роберт усмехнулся весёлыми глазами и предупредил:

– Держись, красавица.

От тройного вихря я подскочила и сразу потеряла сознание, которое не выдержало силы их энергии.

Оказалось, что Роберт всё время был в доме. Он честно в этом признался на следующий день, когда я пришла в себя. Амир весь день пролежал рядом со мной. Я так и проснулась, обнимая его, даже руки под пиджак засунула. И подносы с едой сам приносил. Возмущаться на меня он не смог, хотя несколько раз пытался высказать своё мнение, а я только умоляюще смотрела в сердитые глаза и прижималась к его груди. Но самым действенным способом уйти от обсуждения моего неправильного поведения, вернее, поведения моего организма, оказалось вовремя ойкнуть, вроде как мне больно. Амир сразу начинал беспокоиться и забывал все свои претензии.

А вечером, когда Амир ушёл по делам в свой кабинет, пришёл Роберт. Он ослепительно мне улыбнулся с порога:

– Смена караула.

– Здравствуй, Роберт.

– Приветствую тебя, жена вождя.

Я укоризненно посмотрела в пронзительные весёлые глаза, исполнитель воли Амира, так он сам однажды сказал о себе.

– Спасибо, что вчера спасал...

– Всего лишь чуть-чуть поделился буйством энергии.

Роберт прошёлся по спальне, руки в карманах, этакий современный денди, только тросточки не хватает. Постоял перед морем, хмыкнул своим мыслям, резко повернулся ко мне:

– Рина, можно задать тебе вопрос?

– Задавай.

– Я видел твои мысли... ты обвиняла себя в том, что...

– Роберт, это я повела себя с Амиром неправильно, соответственно... а ты откуда мои мысли знаешь?

– Я всё это время был в доме.

Честный внимательный взгляд, какотреагирую на такое признание, но я лишь пожала плечами – был и был, понятно, что Амир не мог меня оставить без внимания, то есть тотального контроля. И вдруг неожиданное признание:

– Я не поверил Амиру.

– Не поверил? Почему?

Он опять прошёлся по комнате, сложил руки на груди, но не удержался и взмахнул ими:

– Рина, да как можно от тебя отказаться! Он отдавал приказы, а сам...

– Что сам?

Амир встал перед ним тёмной фигурой силы, но Роберт не опустил взгляд:

– Посмотри свои глаза на записи. Даже крайняя необходимость покинуть Рину хоть на время, дать ей возможность восстановиться от потерь энергии, ломала тебя внутренней болью.

Реакцию Амира можно было предугадать:

– Ты слишком много видишь.

– Работа такая, мутанты постоянно меняются, я должен видеть эти изменения.

И как только Амир его терпит, дело не только во мне – я думаю, Роберт и раньше, до появления меня, позволял себе некоторые вольности, которые ему прощались. Всё-таки почему? Вот и сейчас Амир лишь произнёс непонятный звук и отпустил Роберта:

– Свободен.

Но даже после приказа вождя Роберт посчитал возможным высказаться:

– Рина, мы уже никогда не будем прежними.

И только потом спокойно вышел из комнаты. Амир так и остался стоять, рассматривая темноту моря. Я не выдержала и спросила:

– Амир, что-то не так? Роберт...

– Дело не в нём.

Он опять что-то себе надумал, точно, это мои эмоции на него так действуют, набрался от меня всякой дури – как поставила диагноз Фиса – вот его и ломает двойственность восприятия жизни. Да, это я подумала, и откуда у меня такие мысли, не от Амира же. Я робко спросила, без всякой надежды услышать ответ:

– Ты мне не скажешь?

Амир обернулся и посмотрел на меня неожиданно весёлыми глазами:

– Рина, ты сказала, что мы должны научиться понимать друг друга.

– Да... я должна научиться понимать тебя, ты это хотел сказать?

– Я никогда и никому не верил. Вчера, вспоминая своё детство, я понял, что меня именно этому учил вождь – верить никому нельзя, ни чужим... а своих у вождя нет и быть не может.

Он особенно подчеркнул слово «своих», напомнив моё же объяснение. Медленно подошёл ко мне и посмотрел сверху задумчивым тёмным взглядом.

– Мари сказала мне, что знала – я не выдам её замуж за Феликса, это лишь проверка её чувства к Вито. И что она тоже бы так поступила.

– Мари... так сказала?

– Да.

– Амир, я же говорила, она мудрая девушка, она всё поймет! Она любит тебя и верит, понимает... всё понимает...

Что – всё я объяснить не сумела, лишь радостно вздохнула и прижала руки к груди, вот и разрешилась сложная ситуация между отцом и дочерью. Но тут же возник вопрос, потому что я осознала всю фразу:

– Как это – сама поступила?

Амир неожиданно засмеялся, очень облегчённо, даже по волосам провёл руками, как смыл какие-то мысли. Лишь пройдя несколько кругов по комнате, он объяснил свой смех:

– Я, наконец, осознал некоторые её слова... Мари меня учила понимать тебя... смотреть взглядом...

Но каким взглядом, досказать не успел, в комнату стремительно вошёл Вито:

– Рина, что с тобой?

Амир сразу оказался на постели и схватил меня за руку:

– Что происходит?

– Ни... ничего, всё нормально...

– Рина теряет энергию, очень быстро.

– Кому?!

Но Вито лишь покачал головой, он не знает, кому я отдаю энергию, и тоже взял меня за руку. Я хотела возмутиться, но тяжесть рухнула так неожиданно, что я стала заваливаться на постель. Темнота.

Громкий голос Фисы разносил в пух и прах всех иродов, начиная от сотворения мира. Когда я пришла в себя, она облегчённо вздохнула:

– Вот и хорошо, милая моя ласточка, вот и хорошо, всё, теперь я их к тебе на волосок не подпущу, пусть вождь за морем поживёт, да думу думает там.

И началось – на мои попытки задать вопрос, в чём же они всё-таки виноваты, только махала руками и продолжала возмущаться:

– Ты только подумай, жизнь им твоя нужна – жизнь! Да любовь единственная, солнце твоё погаснуть может, а они только о себе и думают! Перевлюблялись все, один Родя и остался, да и он ...тоже надумал себе, а ты всем готова свет свой отдать! Я вождю несчётно говорила, нельзя ему рядом быть, нельзя, погубит, а он только зыркнет глазищами, да голову опустит, только и речи, что спасёт, найдёт способ... А где он, способ-то, коли ты сама размахиваешься жизнью во все стороны!

– Амир...

– Далеко.

Фиса тяжело вздохнула, погладила меня по бессильной руке.

– Вито тогда предупреждал, что ты очень слаба, тебе говорил, да вы оба как... рази вас остановишь, Серёжа на страже стоял, помогать издали пытались, да где там! Ироды, одно слово, нечисть, ничем их не пронять, как родились от крови чёрной...

Я уже не слышала её, с трудом отвернувшись в другую сторону, печаль и тоска завладели едва живым сердцем. Только мы начали нормально, ну почти нормально общаться с Амиром, только чуть-чуть привыкли друг к другу, просто к присутствию – ну да, лежали вместе на одной постели пару раз при полном облачении в костюм ирода – и сразу судьба заставила разбежаться на разные континенты. Судьба, за что? Почему ты так нас постоянно друг от друга отталкиваешь, ведь я уже почти поверила, что Амир на самом деле стремится меня полюбить, именно меня, со всеми моими тараканами в голове и телесах. Как он тогда сказал, ласково обозвал мягким животиком, никто его не заставлял, да и целовался совершенно искренне, без какой-то игры.

Амир стал смеяться, не хмуро улыбаться иногда, а смеяться настоящим смехом, даже когда тихо посмеивается, и то видно, что это радость, исходящая из души. И улыбка изменилась, не кривой изгиб губ, а улыбка состояния сердца и чувств. Только когда я эту улыбку снова увижу?

От грустных мыслей отвлекла Фиса, грозно заявив, что пора меня кормить.

– Я не хочу есть.

Будучи уверенной, что она начнет меня укорять, я попыталась спрятаться под одеяло, но руки не слушались, поэтому просто закрыла глаза. Тёплая ладошка погладила меня по щеке и грустный голос прошептал:

– А как ты его встречать-то будешь, когда он вернётся? Амёбой ползучей? Долго вождь не выдержит, душа к тебе стремится, да и... мужское взыграло давно, не удержать хотенье, ой, не удержать...

– Фиса!

– Так я что? Я ничего, просто как баба, в смысле женщина говорю, мужик, он и в шкуре ирода мужик, суть одна – мужеская, а им что надо...

– Фиса!

– Джон вот, не ирод конечно, но и не совсем мужик, монгол английский, чужестранец-рыцарь, а туда же – вместо воды чего намешал, а потом зажимать вздумал в тёмном углу...

– После твоих песен, что ему оставалось...

– Ты это брось, спела-то всего ничего, я ещё и другие знаю... ох, вовремя... Машенька, заходи уже, чего хнычешь, не бойсь, мачеха ругаться не будет, повезло тебе с отцовой женой.

В комнату вошла грустная Мари, и я радостно улыбнулась, как давно я её не видела.

– Мари, как я рада тебя видеть!

Она кинулась ко мне, сразу обняла и лихорадочно зашептала:

– Рина, отец тебя спасёт, он что-нибудь обязательно придумает...

– Ты, Машенька, лучше сразу признайся, слезами делу не поможешь, слово скажешь, на душе легче и станет.

Голос Фисы прозвучал неожиданно строго, и я удивлённо подняла на неё глаза, в чём это Мари нужно передо мной признаваться? Она такая чистая девушка, что ничего предосудительного сделать не может. А Фиса только добавила:

– Говори, Машенька, говори, Рина мачеха добрая, простит, только признаться самой надобно.

И что это Фиса меня всё мачехой обзывает? Причём жена отцовская? Никогда таких разговоров не возникало, о том, что я какая-то родня её матери по крови многосотлетней давности тоже речи не было.

– Мари, не говори ничего, ты ни в чём передо мной виновата быть не можешь...

– Рина, я... я... ты мне энергию свою отдавала...

– Ну и что? Это же я, а не ты, мало ли...

Фиса категорично уточнила:

– Много, очень много, едва в живых осталась.

– Фиса, я не понимаю – в чём может быть виновата Мари, если это я ей энергию передавала?

Мари сильнее прижалась ко мне и сквозь слёзы зашептала:

– Рина, я виновата, я очень перед тобой виновата, и перед отцом... я хотела... а она вытянула из тебя и передала всё мне... всю твою энергию передала мне...

– Мари, кто – она?

– Анна... я говорила с ней о тебе... а она как услышала, что ты мне... не родная мать... побледнела и... и всё у тебя забрала... мы не сразу поняли, только Вито почувствовал... но не успел... Рина, мне нет прощения.

И я поняла – это Анна вытянула из меня жизнь, пожалела девушку, что та с мачехой вынуждена жить, и решила ей помочь избавиться от злыдни в лице меня. Только ироды в чём виноваты? Я с трудом подняла руку и погладила Мари по светлой головке:

– Глупышка, ты ни в чём не виновата, ты же не знала, что Анна так отреагирует...

– Нечего трепать попусту перед чужой девкой, Амир прав, что... отправил её подальше от всех, пусть Родя с ней разбирается.

– Фиса, не ругай Мари, у неё такая чистая душа...

– Душа оно конечно, только разум пора иметь. Хотя... какова родня, у некоторых в голове никогда порядка не будет.

Я засмеялась, и даже Мари смогла улыбнуться – Фиса в своём репертуаре.

4

Только вечером, накормленная ужином, умытая от остатков еды, так как вилку решила держать сама, и завёрнутая в очередную травку, я смогла спросить Фису:

– Объясни, почему ироды виноваты в моём бессилии, если это Анна сделала? И за что ты их изгнала?

Фиса мрачно посмотрела на меня, пять раз вздохнула, только потом решилась:

– Эта шалава всё перепутала в их силе, они тебе помочь ринулись, а получилось, что у тебя же себе и забирать стали. Она Темноту в себе носит, вроде человек, а чернота в душе такая, что ироды в подмётки ей не годятся. Вот и получилось, что их Темнота с ейной-то объединилась, да у тебя жизнь забирала... коли не Амир, то конец бы тебе пришёл, смог остановить эту... эту...

Тяжёлый взгляд в темноту окна показал, что Фиса готова сказать другие слова, но мой взгляд останавливает.

– А эти влюбленные овечки больше всех у тебя жизни-то забирали, с невестами делиться вздумали.

– То есть...

– Мало того, что Маше больше всех досталось от этой... этой... так ещё и Витёк от себя... от тебя добавил. И Лёша с Ясенькой, вот ты подумай, какова сила, они уже далеко были, а ведь достала, разок и видела... шал-лава...

Это слово оказалось единственным, которое позволительно произносить в моём присутствии из всего словарного запаса Фисы в адрес Анны. Амир их отправил, это о них он крикнул, чтобы убрали, предполагая, что именно им я отдаю свою энергию, и ещё Анне. Но не помогло, даже он не смог её просчитать, её человеческой темноты в душе.

– Фиса, Анну воспитывала мачеха?

Она кивнула, всё уже выяснили, каждую минуту её жизни. Пожалуй, Серёже досталось от Амира, что привёз в дом такую... а откуда они могут знать, как её воспитывала мачеха на самом деле, вдруг всё казалось внешне очень даже благостно. Или она сама не приняла новую жену своего отца, какой хорошей бы та не была. Вот они человеческие отношения – одновременно очень сложные и очень простые.

– А Серёжа где?

– Не переживай, вождь его конечно воспитал чуток, но в живых оставил, должен же быть в доме мужчина, даже если он пока пацан неразумный.

– Но ведь он сам ему разрешил приехать с Анной!

– Потому и простил.

Фиса откровенно рассмеялась над логикой вождя, ей ли его не знать, все его хитро-мудрые ходы.

– Так в доме...

– Только мы с Мари, да Серёжа, obsлyга не в счёт, мутанты.

– Я до сих пор отдаю свою энергию?

– Коли далеко, то не достаёт, а рядом как река бурная. Всем подряд.

Тяжёлый вздох насторожил Фису, и она сразу спросила:

– Чего вздыхать вздумала?

– Обидно, Анна – человек, а такая ненависть...

– Так у людей ненависть и есть, у иродов её не бывает.

И вдруг так улыбнулась хитро, что теперь уже я насторожилась.

– Рина, только с тобой у них скоро столько её будет...

– Ненависти?

– И её тоже, Амир теперь своё сердце так растревожил, что в нём уже всего полной ложкой.

– Но он её не убил?

Почему-то страх заполнил сердце, что бы ни сделала Анна, нельзя позволить Амиру снова... неправильная мысль. Я даже представить не могу, как он меня защищает от всяких врагов, которых знаю только теоретически, то есть не знаю совсем. Поэтому думать о её судьбе не буду, у вождя есть право действовать так, как он посчитает нужным.

– Не убил.

Ответ Фисы успокоил, но она сразу отвернулась, и я поняла, всё-таки что-то с ней сделали.

– Как с ней Роберт разбирается?

– Уж он знает. Ты об этом не думай, их дело, как тебя оборонять от всяких шалав.

Полежав в полной тишине, Фиса тоже о чём-то задумалась, я всё-таки решила уточнить:

– Я так и не поняла, почему ты на них ругалась, они ведь не виноваты, что Анна такое совершила.

– А что тут понимать, ироды они ироды и есть...

И вдруг стала очень серьёзной, взгляд потемнел почти как у тех самых иродов.

– Рина... даже не знаю... жажда во всех опять всколыхнулась, ты не бойся, недолго было...

– Жа... жажда... Фиса... ведь давно... уже никогда...

– А вот! И я уверена была, да и они... Амир чуть с ума не сошёл, что заново всё с тобой. Ты не бойся...

– Я не боюсь. Но Фиса, она же обычный человек...

– Да не в ней дело-то, не в ней! Хоть и шалава, змея... это нутро их лезет! Ирод прёт! Энергия изменилась, повернулась во все стороны и сразу нутро победило! Зверь вылез, никакая любовь не остановила! Они сами, уже сами из тебя жизнь тянули! Все!

Она даже руками лицо закрыла, пытаясь спрятаться от ужаса, рухнувшего на всех в тот момент, но почти сразу посмотрела на меня своими пронзительными глазами ведьмы.

– Неправду говорю, Витёк едва колыхнулся, он и помог, закрыл тебя от них.

Я неожиданно успокоилась, оледенение уже почти охватившее весь организм, отступило, и сквозь ещё сжатые зубы получился только хриплый шёпот:

– Он раньше всех отказался... от живой крови...

– Верно поняла, верно, лебёдушка наша, всё сразу осознала.

Фиса погладила меня по простыне, укутавшей тело с травмами, и призналась:

– Я тут о королеве-то повыспрашивала, так вот, легшее ей было, сильно легшее, чем тебе, золотая моя. Таким путём ты первая идёшь, все камни да сучки, что на дороге лежат сама вынуждена обходить, да ноги об них резать.

– Как это... ей легче? Она самая первая выжила...

– Выжила, знамо дело, своё страдание получила, показала, что возможно закон обойти, а может и вправду поменять смогла, закон-то. Только муж ейный сто лет к встрече с ней готовился, изводил в себе зверя, кровушку как капли принимал, чтобы только в живых остаться, да силу сохранить. Мечтой она уже была, ещё не родилась, королева-то, а он о ней уже думал да ждал, мать ему предрекла такую судьбу, вот он и готовился. И полюбила королева его с первой встречи, с взгляда синего.

Я представила Глеба – оказалось, помню, хотя и плохо понимала в тот момент, что делаю, действительно – глаза такие синие-синие, очень уверенный взгляд.

– А на Амира я упала, старая разведёнка.

– Так и королева-то не девица юная, твоего возраста.

– Она... а глаза такие молодые...

– Ну, коли ты не лежишь тряпкой, тоже глазки сверкают, молодым только позавидовать.

– Амир её любит...

Такого смеха я у Фисы ещё не слышала, тихий ехидный смешок ведьмы, говорящей о своём извечном враге, даже мороз прошёл по коже:

– Рина, да он тогда не то, что любить, мысли в голове собрать не мог, только воинское и осталось: как бы выжить, да врагов перебить. Оно, конечно, тряхнуть трягнула, ничего супротив не скажу, сильна королева женским чутьём, да и с иродами научилась к тому времени обращаться. Не ревнуй, ты ему сердце разбередила, вошла в него да кусаешь, не даёшь заново застыть, характером своим да любовью безоглядной. Оно кровоточит теперь, страхов да боли много, а он – вождь, бояться не умеет, да и ирод тоже страха не знал, за тебя цепляется, руками за тело белое... Рина, Рина, Рина, токмо тебя и зовёт каждую минуту, хоть и глаз грозный, да слово на губах замерзает...

– Он меня зовёт...

– Зовёт, милая, зовёт, только ты его своими ручками да глазками и держишь, посмотришь на него, у него сердце петь сразу начинает. Потому эта... Анна и смогла дело своё чёрное сотворить, ежели бы у них остался иродов холодный, бездушный комок вместо сердца, то

ничего она не сделала, нечему было бы волноваться. Ломают их, нутро ломает, а отвернёшься, испугаешься...

– Я не боюсь! Разверни меня!

Фиса сразу улыбнулась своей обычной мягкой улыбкой:

– Вот и хорошо. Машенька, помоги мне из амёбы заново Рину слепить.

Стремительно появилась Мари и радостно стала меня разматывать из остывшей простыни. Заодно новость сообщила:

– Рина, Серёжа с Амиром разговаривал, завтра приедет мутант с сильной энергией, попытается тебе помочь.

– Хорошо, пусть будет мутант.

– Только он...

– Мари, хоть какой, я не боюсь. Главное, чтобы помог.

– А маслице не надобно?

– Нет!

Но Фиса внесла свою лепту в моё восстановление, и очень чувствительную. Так как я решила, что всё смогу, то и двигаться стала почти нормально, откуда-то появилась сила. И ноги пошли, и руки взмахнули. Вместо маслица мне было предложено физическое занятие: называется бег по пересечённой местности с ужасами покруче голливудских. Я сначала быстро шла, потом бежала по ночным дорожкам сада, а она пугала меня из-за кустов разными криками и неожиданными видами, почти такими же иллюзиями, которые создавал Роберт. То кузнечик грозно кричал на меня, то рыдающий шар с большими глазами выкатывался под ноги, и я подсакивала на бегу или ломилась в кусты от страха. Совершенно измотанная такой прогулкой, я сразу уснула, а рано утром меня разбудила Мари известием, что мутант прибыл.

– Хорошо, я только приведу себя в порядок и позавтракаю.

– Серж уже ждёт в столовой.

Завтракала только я, Мари ничего не смогла поесть и только робко поглядывала на меня. А Серж очень внимательно меня рассматривал, и, не выдержав этого взгляда, я спросила:

– Серёжа, что-то не так?

– Рина, прости, но внешность мутанта...

– Фиса вчера меня уже приготовила к встрече.

Серж поднял брови точно как Амир, пожал плечами, но не стал спорить – Фиса для него непререкаемый авторитет. Но взгляд остался таким же внимательным.

Я дрожала от страха, закрыв глаза и сжав кулаки. Мутант обнимал меня множеством рук и приставил к моему лбу свой клюв. Курица-осьминог с щупальцами-руками и большими прозрачными глазами. И поразительно, просто невероятно – он говорил, ясно и чётко произнося слова. Когда я замерла на пороге кабинета Амира, он сидел на полу, или лежал, не знаю, находился на полу, и, увидев меня, сразу поздоровался:

– Доброе утро, Рина. Меня зовут Андрей.

Серж чуть подтолкнул меня в спину, и я сделала маленький шаг, с трудом прошептала:

– Здравствуй... Андрей.

Пока я шла к столу, ноги подкашивались, а руки дрожали, никакая подготовка Фисы не помогла мне выдержать невероятно тяжёлый взгляд Андрея, прозрачный, как путь в иное пространство. Если бы он не подхватил меня своими руками-щупальцами, я бы упала. Невероятным образом я не потеряла сознание, хотя страх сразу превратил меня в ледяную статую. Как долго мы стояли, я не понимала, лишь всё сильнее жмурила глаза до боли и ярких вспышек, пока Андрей не произнёс едва слышным длинным звуком:

– Аааааамиииир...

Передо мной возникли яркие голубые глаза Амира, и тепло постепенно проявилось где-то внутри организма, даже кулачки разжались. Я уже совсем успокоилась и даже посмела

приоткрыть глаза, когда Андрей такими же длинными звуками произнес имена Вито, Алекса и Роберта. И каждый раз я видела перед собой улыбающиеся или смеющиеся глаза. Мне даже стало жарко в множестве рук, плотно обнимавших меня, так сильно внутреннее тепло согревало тело. Я как будто наполнялась этим теплом, и источник был в моём собственном организме.

Голос Андрея вывел из лёгкого тумана почти бессознательного состояния:

– Рина, ты ещё слаба, но энергию уже никому не отдаёшь. Серж, помоги Рине.

Тут же сильные руки мягко подхватили меня, и Серж медленно пошёл под комментарий неизвестно откуда появившейся Фисы:

– Вот и ладно, вот и молодец, не испугалась красавица наша, солнышко ясное, лебёдушка белая... Андрюша всё может, он такой, хоть и страшен видом своим, да сердце доброе. Наш он, рядышком с тобой жил, только с роднёй не повезло, такой уродился.

Я уже практически пришла в себя и глубоко вздохнув, смогла признаться Фисе:

– Этот Андрей... я испугалась, Фиса, как я испугалась, мне так стыдно, но я испугалась. Надо извиниться перед ним, он же почувствовал, догадался, что я его очень сильно испугалась...

Оказалось, что Андрей шёл за нами и вдруг встал перед Сержем, посмотрел на меня своим жутким взглядом.

– Ты действительно хочешь извиниться?

– Прости, я очень испугалась... прости меня... я трусиха.

С трудом удерживаясь, чтобы снова не зажмуриться и не закрыть лицо руками, я повторила:

– Прости меня... за мой страх.

Андрей как-то вытянулся на своих руках-ногах и стал много выше Сержа, покрутил головой, точь-в-точь как курица – резкими короткими движениями, рассматривая меня с высоты, и выдал свой вердикт:

– Ты меня боишься. Рина, ты первый человек, который просит у меня прощения за страх. Амир прав.

Но в чём прав Амир объяснять не стал, повернулся как солдат и пошёл вперед. Длинно вздохнув, Фиса изрекла:

– Вот оно как, ну Рина, ну красавица наша, велика твоя сила.

– Ой, Фиса, да в чём сила, если испугалась как котёнок.

– В признании, милая моя, в этом сила твоя, что не испугалась признаться в своём страхе, да прощения попросить не убоилась.

– Фиса права, ты меня поразила.

Серж говорил чуть надтреснутым голосом, как подросток, который впервые высказал своё мнение взрослым. Он тоже вздохнул и пошёл вслед за Андреем.

И началось настоящее восстановление меня, как объекта в виде пустого шарика. Меня накачивали энергией как гелевый шар, иногда мне казалось, что я, как и он, скоро взлечу к потолку. Сразу после завтрака мной занимался Серж, а после обеда Андрей. Я быстро привыкла к нему, признание в собственном страхе очень облегчило общение, тем более, что сказало его уникальное, как он сам выразился «самообразование в птичнике».

– Я долго прятался в курятнике одного из домов в деревне, растекался по полу, никто меня и не замечал, голова-то куриная.

– А твои родители, как они могли...

– Мать оставила меня в роддоме, а врачи заспиртовать не успели – я сбежал, утёк через форточку.

Он весело рассказывал об обитателях скотного двора, где царствовал гигантский боров, гонявший даже быков:

– Хозяин был пьяницей, но кормил всех по часам, а на убой водила хозяйка. Он всегда запивал на недели, если кого-то приходилось резать, жалел всех. Только Ваську не любил, но тронуть не смел, всё-таки производитель, на свиньях в основном и держалось хозяйство.

Этого Ваську не боялся только большой рыжий кот Амур, ободранный в боях за любовь местных кошек практически до бесшерстного состояния, но сохранивший внутреннее достоинство хищника.

– Амур прыгал на Ваську и кусал за уши до тех пор, пока тот не забивался в какой-нибудь угол и не начинал визжать от боли и унижения.

Все рассказы Андрея были очень добрыми, никакого злобствования или ехидства, хотя ему самому явно немало доставалось от обитателей скотного двора. Сама я не осмелилась спросить его о том, как он попал к Амиру, но Фиса однажды вечером рассказала его историю:

– Андрюша после пожара, хозяин всё-таки допился до горячки и поджёг один из сараев, уполз в лес, ходить он тогда совсем не мог, да и говорить горлу не позволено...

– Как это – не позволено?

– Дак горло-то куриное, только кудахтать и мог.

Ужас, невероятный ужас существования маленькой детской человеческой души в непонятном теле среди животных. И потом вспоминать ту свою жизнь весело, рассказывать о ней таким трусихам как я.

– Его Родя нашёл... твои родные места навещал.

Я вопросительно взглянула на неё, и она честно призналась в том, о чём я сама уже давно догадалась:

– Вождь всё выяснил о тебе, половинка всё-таки.

Смущённо отвернулась, и, чтобы уйти от опасной темы, быстро продолжила:

– Это потом уже Андрюшу оперировали, и разговаривать научили, Родя его энергию оценил, да способности всякие. Вот и пригодилось.

Она посмотрела на меня, грустно вздохнув несколько раз, сложила руки на коленях.

– Родя многих таких спас, найдёт совсем... куском каким-нибудь, а врачи потом из этого куска душу высекают.

– А почему Андрей так сказал, в чём Амир прав?

Фиса сразу замотала головой:

– Этого я знать не знаю, может разговор какой у них был перед отъездом, кто ж теперь сказать может.

И таким честным взглядом на меня посмотрела, что я сразу догадалась – знает, или понимает, о чём был разговор, но говорить мне не будет, оставит на будущую семейную разборку.

Ночью я думала о том, какой странной жизнью живу, ни времени, ни пространства – только чувства. Я не замечаю дней, никаких чисел, для меня время делится на периоды битвы за жизнь и за любовь. Не так, не периоды, на самом деле я постоянно борюсь за любовь Амира: только, то в относительно здоровом состоянии тела, то практически никаком состоянии. Течение времени вижу по изменениям в окружающей природе, причем кардинальным – лишь по участвовавшим шторам за окном и пожелтевшей листве в саду догадалась, что уже осень. Прошлая жизнь не вспоминается, практически не помню лиц знакомых и даже физиономию своего бывшего мужа. И дело не в том, что я теперь живу во дворцах, а в скорости событий, происходящих вокруг меня. Даже теперь, когда я целыми днями только лежу или плаваю, вокруг меня что-то происходит. Амир не просто ждёт, когда я восстановлюсь, он ищет выход и действует, совершает массу поступков, о которых мне кто-нибудь, та же Фиса, потом расскажет. Или не расскажет, но я это уже знаю.

И этот дом – в котором мне очень уютно, он мой дом, что бы в нём не происходило – Амир решил строить сразу после истории с Силой хасов. Он понял одним мгновением, что она не даст мне жить, не так, у нас должен быть свой дом, созданный нами, а не шатер вождя хасов

шестисотлетней давности. С гаремом. Я хихикнула и спряталась с головой под одеяло, стремительно действует вождь, не просто словом отказался от гарема, а построил дом для нас двоих. Права Фиса, права не в том, что королеве было легче, я думаю, страданий ей досталось, физических в особенности, а в том, что мы с Амиром упали друг на друга в очень сложные моменты собственной жизни. И основа этих сложностей состоит в том, что мы оба никому и никогда не доверяли в своей прошлой жизни. Да и физическое состояние обоих, он с его жаждой моей крови и я с неожиданной передачей ему энергии и эмоций, в которой едва выжила, мешало совместному общению, простому нормальному знакомству мужчины и женщины. И каждый раз, как только мы делаем малюсенький шаг навстречу друг к другу, происходит нечто, что может отбросить нас далеко назад, и только совместная попытка сохранить хоть капельку достигнутого, удерживает нас рядом. Ну да, особенно меня рядом с ним.

Поднявшись с постели, я подошла к окну, мысли не давали покоя, и организму потребовалось движение. Море опять штормило, волны беззвучно двигались огромными валами, чуть поблёскивая в ярком свете луны. Ветер уносил к тёмному небу вихри брызг и тяжёлые тучи принимали их, чтобы снова кинуть на бушующие водные горы. Мы с Амиром представители разных миров, даже разных планет, настолько отличаемся друг от друга во всём. О физических возможностях даже не стоит говорить, та малая толика, которую я знаю, и то впечатляет, а уж то, что Амир мне не показывает, даже боится показать? И он прав в своём страхе. Сейчас я его воспринимаю как обычного, пусть и очень сильного мужчину, а увидев его изменения, именно физические изменения, смогу ли я как прежде относиться к нему, вдруг меня сломает этот ужас перед тем, каким он иногда становится? А может быть, сойду с ума, или никогда уже не смогу его полюбить.

– Ты что это полуночишаешь?

Фиса тревожно рассматривала меня, даже пульс проверила, вдруг что случилось, и я плохо себя чувствую.

– Думаю.

– Ох, девонька, пугают меня твои мысли ночные, не к добру они.

– К добру, не переживай.

Я обняла её, какое счастье, что Фиса рядом, всегда поможет и успокоит, рассеет мои сомнения, развеет своими маленькими ручками страхи.

– Без тебя я бы пропала.

– Куда это пропала? С ума сошла девка, что говоришь-то, кто ж тебе пропасть даст, кругом свои, ничего не бойся. Откуда опять страху набралась, чего надумала?

– Хватит ли у меня сил... я ведь такая... Амир старается, а я... надумаю глупостей... ведь мешаю только ему.

– Ох, ты солнышко наше, ты только живи, радуй нас собой, он всё сам сделает. А помешать ты ему не можешь, никак уже не можешь, всё для себя решил, теперь только ему и работа, сладкая работа...

– Бороться со мной – сладкая работа?

Она посмотрела на меня снизу вверх мудрым взглядом, неожиданно усмехнулась и тяжело вздохнула, провела ладошкой по щеке:

– Амир жить начал, свет увидел, твой свет, уже не отступится от него, биться с нутром своим чёрным будет как с врагом самым страшным. Не вождь теперь и не ирод, муж тебе...

– Муж...

– Он к тебе душой новорождённой стремится, только страхов много, так много, что сам себя боится.

– Фиса, как он себя боится? Я его не боюсь... никакого не боюсь.

Она согласно покачала головой, ласково улыбнулась, привычно сложила руки на животе и неожиданно ехидно спросила:

– А кто перед Андрюшей в страхах своих признавался? Да прощения просил?

– Я... но Фиса, если только бояться, то никогда ничего не получится, один раз увижу и не буду бояться! Я же теперь не боюсь Андрея, и Амира не буду бояться!

– Рина... да одного твоего испуга уже хватило.

Фиса прошла по комнате и сказала бушующему морю:

– Амир запись твоего гостевания в его кабинете тыщу раз уже посмотрел, как ты от стола его кузнечиком отпрыгнула...

– Ну и что? Космос какой-то, чего ни коснёшься... сразу истребители, а может, и пушки стрелять начнут. Между прочим, он сам сказал, что я не должна знать, как он меня защищает! Я просто женщина!

– Так он и сказал: ради того, чтобы его жена в его доме спокойно ходила, да ни о чём не думала, страха не ведала, он перевернёт весь мир.

Не знаю зачем, я спросила:

– В халате?

– Так в халате-то самое то и есть... к телу ближе.

И так весело засмеялась, что я тоже расхохоталась, ох уж эта Фиса со своими песнями и намёками.

Первым приехал Роберт, он неожиданно вошёл в столовую, когда мы с Мари тихо хихикали между собой над тем, как Фиса воспитывала Андрея, причём проходила по его внешности, ничуть не стесняя этим его самого:

– Ты, Андрюша, клювом-то не маши, пора уже песни петь, голос у тебя хороший, громкий, со слухом всяко лучше, чем у некоторых...

Мари попыталась меня защитить:

– Рина хорошо поёт.

– Знамо дело. Андрюша, ты хоть кукарекать будешь, а песня лучше выйдет. Маша ты мачеху-то защищай, правильно говоришь, только Рина у нас не голосом берёт, а душой, токмо душа мелодию не особо слушает... Родя, будь здоров.

– Добрый вечер.

– Здравствуй, Роберт.

Он сразу подошёл ко мне, завел руки за спину и покачался на носках вверх-вниз, рассматривая меня пронзительным взглядом, я от удивления широко распахнула глаза, даже для него такое поведение было странным. Но последовала ослепительная улыбка:

– Рина, ты хорошо выглядишь.

Прозвучало непонятное слово, и Андрей быстро вышел из столовой. Я хотела возмутиться, но Роберт так на меня посмотрел, что закрыла рот – ироды вернулись. Он сразу почувствовал моё настроение и нахмурился:

– Весело живёте.

– Ты Родя вот что, не командуй, Рина только-только оживать начала, без Андрюши её оставлять нельзя. Особенно, когда ты явился.

Фиса встала из-за стола и приказала Мари:

– Машенька, мы с тобой погуляем, покудова Родя перед Риной виниться будет.

Виниться? Но Фиса на меня не смотрела, взяла растерянную Мари за руку и вывела из столовой. Я решила сразу высказать своё мнение о ситуации:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.